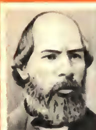

БИБЛИОТЕЧКА
СЕМЕЙНОГО
ЧТЕНИЯ

Ирина Печерникова

ВЕЛИЧИЕ ДУШИ

Издательство
политической
литературы

БИБЛИОТЕЧКА
СЕМЕЙНОГО
ЧТЕНИЯ

Ирина
Печерникова

ВЕЛИЧИЕ ДУШИ

О ВОСПИТАНИИ
В СЕМЬЕ УЛЬЯНОВЫХ

*Издание четвертое,
исправленное и дополненное*

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
1978

13.50
П31

Печерникова И. А.

П31 Величие души: О воспитании в семье Ульяновых.— 4-е испр. и доп. изд.— М.: Политиздат, 1978.— 119 с., ил.— (Б-чка семейного чтения).

Эта книга посвящена воспитанию в семье Ульяновых.

В ней раскрываются педагогические принципы, которыми руководствовались Илья Николаевич и Мария Александровна Ульяновы, методы, которыми они пользовались для осуществления этих принципов, педагогические условия, в которых протекало воспитание детей.

Книга рассчитана на массового читателя.

П $\frac{10302-341}{079(02)-78}$ БЗ—61—1—78

13.50 + 74.9
3К26 + 371.018

ОТ АВТОРА

Учителя, родители и молодежь часто спрашивают нас, работников педагогической науки:

Как сумели Мария Александровна и Илья Николаевич Ульяновы вырастить всех шестерых детей всесторонне развитыми людьми, бесстрашными революционерами?

Была ли в семье Ульяновых продуманная система семейного воспитания или педагогические удачи родителей — счастливая случайность?

Как совмещал Илья Николаевич Ульянов громадную работу по инспектированию и строительству школ в Симбирской губернии с воспитанием детей? Или воспитанием занималась только мать?

Подобных вопросов возникает множество, и это понятно: никогда не иссякнет интерес к семье, в которой рос и воспитывался Ленин. Из светлого источника опыта воспитания в семье Ульяновых люди хотят почерпнуть полезное, необходимое.

О семье Ульяновых написано немало произведений: романы и большие повести, воспоминания, публицистические работы, адресованные разным кругам читателей. Эта книга выходит в серии «Библиотечка семейного чтения»; мы поставили перед собой задачу дать некоторый анализ опыта воспитания детей в семье Ульяновых, попытаться раскрыть принципы, методы и педагогические условия, обеспечившие столь блистательный успех воспитания, обратить внимание современных родителей на возможность применения этого опыта.

С тех пор, как Илья Николаевич и Мария Александровна Ульяновы ушли из жизни, прошло много лет. Мы отметили 100-летие со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Но опыт семейного воспитания Ульяновых имеет непреходящую ценность. Он всегда будет

помогать в формировании у молодого поколения высоких идейных убеждений, в развитии у детей самоотверженной любви и преданности Родине, народу.

При работе над этими педагогическими очерками мною использованы документальные материалы Центрального архива Института марксизма-ленинизма в Москве и фонды Дома-музея В. И. Ленина в Ульяновске. Я выражаю горячую благодарность сотрудникам этих учреждений за добрые советы и помощь. Использованы «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине» в пяти томах (Политиздат), переписка родных В. И. Ленина, воспоминания К. Цеткин, Н. А. Семашко, Г. М. Кржижановского, З. П. Невзоровой-Кржижановской, В. В. Кашкадамовой, А. В. Луначарского и других современников В. И. Ленина.

Многие факты и высказывания членов семьи Ульяновых взяты из книг А. Иванского «Молодой Ленин», «Жизнь как факел» и «Молодые годы В. И. Ленина», а также из книг «Ленин в Симбирске» (под ред. И. Я. Баранова), Ю. Махиной и Гр. Хаита «Мальчик из Симбирска», А. Л. Карамышева и А. И. Томуль «Воспитание в семье Ульяновых», Г. Лозгачева-Елизарова «Незабываемое», «Семья Ульяновых» (под ред. И. Я. Баранова), Д. А. Ершова «Мария Ульянова», А. И. Кондакова «Директор народных училищ И. Н. Ульянов», Б. С. Итенберг и А. А. Черняк «Александр Ульянов».

Учитывая огромный интерес, который проявляется к семье Ульяновых, рекомендую родителям для семейного чтения прежде всего «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине», том 1 — «Воспоминания родных» (М., Политиздат, 1968), и книгу М. И. Ульяновой «О Владимире Ильиче Ленине и семье Ульяновых» (М., Политиздат, 1978), а также художественную литературу, в которой образно и ярко показана жизнь этой замечательной семьи:

М. Шагинян. Семья Ульяновых (Роман-хроника). М., «Молодая гвардия», 1969;

А. Гринберг. В семье Ульяновых. М., Детгиз, 1969;

М. Прилежаева. Жизнь Ленина. Повесть для детей. М., Детгиз, 1970;

З. Воскресенская. Сердце матери. Сквозь ледяную мглу. Встреча. М., Детгиз, 1966.

СЕМЬЯ УЛЬЯНОВЫХ

На крыльцо небольшого деревянного дома вышли черноглазый юноша в гимназической форме и девушка в коричневом платье с белым воротничком и в темном фартуке. Вероятно, кто-то из них сострил, потому что оба громко рассмеялись.

Вскоре они расстались. Юноша свернул влево к калитке, а девушка побежала прямо через фруктовый сад.

Им вслед из открытого окна смотрела красивая женщина с кружевной наколкой на голове. Это Мария Александровна Ульянова провожала детей в гимназию.

Дети Ульяновых учились в мужской и женской гимназиях Симбирска. Мужскую — возглавлял Федор Керенский, отец небезызвестного впоследствии врага социалистической революции Александра Керенского.

Во всех гимназиях в те времена висели портреты царей и высочайших особ. Облаченные в золотые ризы священники служили в их честь торжественные молебны. Гимназисты и гимназистки слушали проповеди о царских милостях и щедротах. Изо дня в день на уроках и в молитвах детям внушалось, что все существующее вечно и справедливо и определено богом.

Симбирск конца XIX века был типичным губернским городом Российской империи. Мария Ильинична впоследствии рассказывала: «Дворянство водило компанию в своей среде, соря деньгами, проводя жизнь в роскоши, празднествах и безделии. Освободительные реформы 60-х годов не могли не нанести ущерба его материальному благополучию, и понятно, что все стремления реакционной части дворянства были направлены на то, чтобы эти реформы не были проведены в жизнь. Таково было, несомненно, желание громадного большинства дворянского сословия...

Реакционно настроенное дворянство в своем большинстве было одной частью симбирского общества,

а другой его частью было чиновничество, поддерживающее знакомство по ведомствам, строго придерживаясь табели о рангах».

Стремление к просвещению, к духовной культуре у симбирского общества было незначительным.

Казалось бы, пропитанная духом монархизма и религии гимназическая обстановка должна была задушить в юном поколении могучую силу молодости, энергию ума, жажду поиска истины. Но с детьми Ульяновых этого не случилось. Причиной тому — семья. Илья Николаевич и Мария Александровна Ульяновы были культурными, прогрессивно настроенными людьми. Их жизнь была насыщена книгами, трудом, музыкой, общественными интересами.

История нашей Родины не знает другого такого примера, чтобы одна семья за одно поколение дала человечеству столь яркую плеяду выдающихся деятелей революционного движения, людей разносторонне развитых и образованных, обладающих талантом великолепных организаторов, волей и мужеством бесстрашных борцов.

Старший сын Ульяновых — Александр. За свою короткую жизнь получил две золотые медали: одну — за блестящее окончание гимназии, другую — за победу в научном конкурсе студентов-естественников. Никто не сомневался, что его оставят при кафедре Петербургского университета для подготовки к профессорской деятельности.

Свои жизненные принципы Александр Ульянов изложил еще в гимназическом сочинении «Что требуется для того, чтобы быть полезным обществу и государству». Он отмечал, что человеку нужны: честность, привычка к настойчивому труду, твердость характера, ум и знания. Все эти черты Александр упорно развивал в себе, и, надо думать, эти принципы оформились в сознании молодого человека не без благотворного влияния семьи.

В Петербурге студента Александра Ульянова избрали в совет и научный отдел студенческого научно-литературного общества. В 1886 году он вошел в Совет Союза землячеств Петербурга. Одновременно Александр был членом «экономического» кружка, в котором разбирались вопросы о политической свободе, о роли различных классов в революционной борьбе,

изучалась история германской социал-демократической партии. Кружок ставил своей целью также подготовку студенчества к общественным выступлениям и актам протеста. Александр занимался с несколькими группами рабочих по политико-экономическим вопросам, знакомил их с произведениями К. Маркса и Ф. Энгельса. Он перевел на русский язык статью К. Маркса «К критике гегелевской философии права. Введение». Ему уже становилось понятным, что марксистские идеи применимы в России, что именно рабочий класс призван сыграть главную роль в ее социалистическом преобразовании. Но он еще не успел полностью освободиться от влияния народовольческих идей. Ему казалось, что убийство царя непременно приведет к социальным реформам, которые облегчат жизнь народа.

Александр с поразительным бесстрашием готовился к свершению террористического акта, вместе со своими соратниками разрабатывал план покушения на царя Александра III. Он очень мужественно держал себя и на суде Особого присутствия Правительствующего сената.

«Не только ничего в оправдание себя он не произнес, но он брал на себя, где мог, вину других» [1],— писала в своих воспоминаниях Анна Ильинична.

Александр Ульянов утверждал, что его интеллектуальное и нравственное участие в этом деле было в полном соответствии с его убеждениями. Он отказался от защитника и на суде сам произнес защитительную речь.

«Известно, что у нас дается возможность развивать умственные силы, но не дается возможности употреблять их на служение родине»,— заявил на суде Александр Ульянов. В этой своей последней в жизни речи он говорил о тех причинах, которые привели его на дорогу самоотверженной борьбы с царским самодержавием, о том, как назревавшее в нем недовольство существующим строем после изучения общественных и экономических наук укрепилось и «смутные мечтания о свободе, равенстве и братстве вылились... в строго научные и именно социалистические формы».

---

[1] *А. Иванский.* Молодой Ленин. Повесть в документах и мемуарах. М., Политиздат, 1964, стр. 289.

«Я понял, что изменение общественного строя не только возможно, но даже неизбежно».

Анна Ильинична впоследствии писала, что речь, произнесенная ее братом, произвела очень сильное впечатление: ее сравнивали с речью Желябова[1]...

«...Кое-что из речи Александра Ильича, из его поведения и выступлений на суде просочилось еще и тогда, окружив его личность ореолом, и передавалось устно, служа примером для молодежи».

Старшая дочь Ульяновых — Анна — окончила гимназию с большой серебряной медалью и приняла решение идти по пути отца — служить на ниве народного просвещения.

Много было пережито молодой девушкой. Арест — в один день с братом Александром. После ареста — ссылка. В Кокушкине Анна Ильинична вместе с матерью бывала в семьях крестьян, разъясняла, как выхаживать и воспитывать детей, дежурила в качестве сестры милосердия у изголовья больных холерой крестьян. А за ней не переставали следить полицейские. Жизнь Анны Ильиничны до самого свержения самодержавия была отражена в донесениях, протоколах допросов, обвинительных заключениях. Вся молодость Ани Ульяновой прошла в условиях гласного и негласного надзора. Полицейские появлялись в ее комнате в любое время дня и ночи. Много раз она сидела в тюрьмах, жила в эмиграции, но ничто не могло остановить горячего стремления Анны Ильиничны к революционной деятельности. Она была активной участницей «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», организатором большевистского подполья в Томске, Самаре, Киеве, Саратове. С ее именем связана деятельность большевистских газет «Искра», «Вперед», «Пролетарий», «Правда», становление старейшего в нашей стране общественно-политического журнала «Работница».

После Февральской революции 1917 года Анна Ильинична стала секретарем «Правды», затем редактором журнала «Ткач». Она участвовала в подготовке Великой Октябрьской социалистической революции. В первые годы Советской власти работала в Наркомсобесе и Наркомпросе.

[1] Руководитель «Народной воли», погибший на виселице.

Анна Ильинична — один из организаторов Истпарта и Института В. И. Ленина; до конца 1932 года — научный сотрудник ИМЭЛ, секретарь и член редакции журнала «Пролетарская революция». Мы благодарны Анне Ильиничне за многие книги, которые помогают нам глубже познать жизнь и величие Ленина.

Владимир Ильич был средним сыном Марии Александровны и Ильи Николаевича Ульяновых.

Хорошо известны слова Володи Ульянова, сказанные после того, как он узнал о казни брата: «Нет, мы пойдем не таким путем. Не таким путем надо идти».

Володе было тогда семнадцать лет.

Анна Ильинична писала о своих братьях: «Александр Ильич погиб как герой, и кровь его заревом революционного пожара озарила путь следующего за ним брата Владимира».

Семнадцати лет Владимир Ильич в первый раз был арестован. В своей незаконченной автобиографии он писал:

«В декабре 1887 г. я был первый раз арестован и исключен из Казанского университета за студенческие волнения; затем выслан из Казани.

В декабре 1895 г. арестован второй раз за социал-демократическую пропаганду среди рабочих в Питере» [1].

Двадцати трех лет Владимир Ильич появился в Петербурге и очень быстро завоевал души и умы прогрессивной молодежи.

Г. М. Кржижановский вспоминал:

«Верная и бестрепетная рука молодого гения открывала завесу грядущего и направляла нашу волю в такое русло, где самое слово перерастало в историческое дело... Ленин юных лет находился как бы в прямой знаменательной перекличке со своим гениальным первоучителем К. Марксом...

Юность Владимира Ильича — это юность нашей Коммунистической партии, крепнувшей и зревшей в могучем резонансе с ходом его великой жизни» [2].

Наследие Владимира Ильича неисчерпаемо. В памяти благодарного человечества он будет жить в веках.

Оля Ульянова появилась на свет через полтора года

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 32, стр 21.

[2] *Г. Кржижановский.* Великий Ленин. М., Госполитиздат, 1956, стр. 12—13, 14.

после Володи. У брата и сестры в детстве были общие игры, забавы, потом книги, мысли, волнения. Оля Ульянова окончила гимназию (так же, как и братья) с золотой медалью. Анна Ильинична говорила, что у сестры была глубокая и серьезная натура. Оля блестяще играла на рояле, пела, рисовала, делала литературные переводы художественных произведений, страстно увлекалась математикой, химией и астрономией. В 18 лет она превосходно знала немецкий, английский, французский языки. У нее было огромное желание стать учительницей народной школы или врачом. Она мечтала как можно больше принести пользы людям. Ольга решила учиться в Гельсингфорсе и для этого изучила шведский язык.

Позднее выяснилось, что для поступления в Гельсингфорсский университет требуется еще знание финского языка. И Ольга, не желая терять годы, поступает на Высшие женские курсы, с тем чтобы получить право учительствовать.

Девушка с увлечением изучала труды К. Маркса. Сохранился написанный ее рукой конспект третьей главы «Капитала».

Оля всегда понимала взгляды и устремления брата. Вместе с Володей они читали запрещенную литературу, переводили с французского «Нищету философии» К. Маркса, вместе пели на французском языке «Марсельезу». Нет никакого сомнения, что Ольгу ждало будущее видного общественного деятеля, она отдалась бы революции так же страстно, как отдавалась каждому делу, которое становилось для нее дорогим.

Но весной 1891 года в Петербурге Оля заболела брюшным тифом. Болезнь протекала тяжело. За сестрой заботливо ухаживал Владимир Ильич. Когда болезнь осложнилась рожистым воспалением, он увез ее в Александровскую больницу и вызвал мать.

Оля Ульянова умерла, когда ей было девятнадцать лет.

З. П. Невзорова-Кржижановская вспоминала: «...В ветреный и сырой питерский день шли мы за гробом слушательницы Высших женских курсов Ольги Ульяновой.

У меня сердце разрывалось от жалости. Невыносимо было хоронить Олю, чудесную 19-летнюю девушку, умницу, только что развертывавшую свои блестя-

щие способности, милого товарища, так нелепо погибшего» [1].

Так переживала смерть Оли ее подруга. Что же говорить о чувствах Марии Александровны и Владимира Ильича?

Младшую дочь Ульяновы назвали Марией. Она очень рано вступила на путь революционной борьбы и так же, как ее братья и старшая сестра, обладала бесстрашием, выдержкой и редчайшей находчивостью при выполнении партийных заданий. Мария Ильинична в восемнадцать лет уже была связной между братом, заключенным в Петербургскую тюрьму, и «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса». Она была сотрудницей большевистской газеты «Искра».

Семь раз царская охранка бросала Марию Ильиничну в тюрьмы, ссылала в отдаленные губернии, держала под гласным надзором полиции. Вся ее молодость — это трудное молчание на допросах, пребывание в карцере, разгадывание хитроумных провокаций жандармов, искуснейшая конспирация и постоянный риск.

И вместе с тем Мария Ильинична постоянно училась. Владимир Ильич прислал ей из тюрьмы программу занятий по изучению марксизма, и она настойчиво усваивала знания по этой программе, неутомимо совершенствовалась в иностранных языках. Мария Ильинична выезжала в Брюссель, а затем во Францию для получения высшего образования; ей был выдан аттестат преподавательницы французского языка. В 1907 году Мария Ильинична перевела опубликованные в немецком социал-демократическом еженедельнике «Новое время» знаменитые письма Карла Маркса Кугельману, которые были изданы отдельной брошюрой с предисловием Владимира Ильича. Эта брошюра сыграла большую роль в борьбе с меньшевиками.

При Советской власти Мария Ильинична была членом Центральной Контрольной Комиссии, потом Комиссии советского контроля, заведовала бюро жалоб ЦИК СССР, много лет работала в «Правде».

Это была преданнейшая соратница В. И. Ленина,

---

[1] *З. П. Невзорова-Кржижановская.* Воспоминания о М. И. Ульяновой.— «Исторический архив», 1958, № 2, стр. 164.

беззаветная труженица, любимица людей, человек большой души.

На II съезд РСДРП делегатом от Тулы был избран Дмитрий Ильич Ульянов. Он участвовал в транспортировке «Искры», много раз подвергался полицейским репрессиям, сидел в московской Таганской тюрьме, Одесском тюремном замке и киевской крепости Лукьяновке. В дни революции 1905—1907 годов он — член Симбирского комитета большевиков.

Революционную пропаганду и партийную работу Дмитрий Ильич постоянно совмещал с врачебной деятельностью. Еще юношей он стремился к самому трудному и опасному в профессии врача — к борьбе с холерой и другими эпидемиями. Во время империалистической войны в 1914—1917 годах был военным врачом и вел революционную работу среди солдат и матросов. В годы гражданской войны Дмитрий Ильич проникал в тыл белогвардейцев, оперировал раненых красных партизан, которые скрывались в мамайских штольнях. Потом в рядах Красной Армии громил Врангеля и утверждал в Крыму Советскую власть. В Евпатории Дмитрий Ильич Ульянов был избран членом городского комитета большевиков и членом ревкома, а затем членом Крымского обкома партии. Открывал первые в Советском государстве курорты для воинов Красной Армии, рабочих и крестьян.

Потом Дмитрий Ильич был на руководящей работе в Наркомздраве, преподавал в Коммунистическом университете имени Я. М. Свердлова, много сделал для организации важнейших направлений советского здравоохранения — санитарного и курортного дела. Им написаны в этой области научные труды.

Такими выросли дети в большой дружной семье Ульяновых.

Главой семьи был Илья Николаевич Ульянов, сначала инспектор, а потом директор народных училищ Симбирской губернии.

Дед Ильи Николаевича был крепостным крестьянином, отец числился как государственный крестьянин, а затем был приписан к мещанскому сословию и занимался портняжным ремеслом в Астрахани. Он скончался, когда Илье Николаевичу было пять лет. Един-

ственным кормильцем семьи остался семнадцатилетний брат Василий. Об этом удивительном юноше Илья Николаевич много раз с чувством горячей благодарности рассказывал жене и детям.

«Не раз в жизни вспоминал Илья Николаевич с благодарностью брата, заменившего ему отца, и нам, детям своим, говорил, как обязан он брату,— писала в своих воспоминаниях Анна Ильинична.— Он рассказывал нам, что Василию Николаевичу самому хотелось очень учиться, но умер отец, и он еще в очень молодых годах остался единственным кормильцем семьи, состоявшей из матери, двух сестер и маленького брата...» Василий вынужден был «оставить мечты об образовании. Но он решил, что, если самому ему учиться не пришлось, он даст образование брату, и по окончании последним гимназии отправил его в Казань, в университет, и помогал ему и там, пока Илья Николаевич, с детства приученный к труду, не стал сам содержать себя уроками.

Василий Николаевич не имел своей семьи и всю жизнь отдал матери, сестрам и брату».

Надо полагать, что такой великолепный образец ранней самостоятельности Василия Николаевича (принял в семнадцать лет на свои плечи заботы о семье) и самоотверженности (навсегда отказался от личной жизни во имя брата) очень благоприятно влиял на детей Ульяновых. Тем более, что они знали о дяде не только по рассказам отца. Мария Александровна с Аней и Сашей ездили в Астрахань повидаться с родными мужа и сказать свое сердечное спасибо его старшему брату.

Илья Николаевич относился к тем людям, которые умели ценить заботу. Он отвечал брату не только преданностью и любовью, но и прилежанием в учении.

За время обучения в астраханской гимназии Илья Ульянов несколько раз награждался. Он окончил курс с серебряной медалью. Тем не менее в выданном свидетельстве, подтверждавшем отличное поведение и хорошие оценки, указывалось, что «*Ульянову,* как происходящему из податного состояния, не представляется тем никаких прав для вступления в гражданскую службу».

Преодолевая огромные препятствия, Илья Николаевич добился поступления в Казанский университет.

Окончил он его блестяще, доказав своим примером, на что могут быть способны люди «податного состояния».

Для своих детей он всегда служил образцом твердости и величайшего трудолюбия, доброты и принципиальности, настойчивости, требовательности к себе и другим.

Илья Николаевич начал свою педагогическую деятельность в Пензенском дворянском институте. Там он работал старшим преподавателем физики и математики, и, кроме того, на него была возложена обязанность заведовать метеорологическими наблюдениями. В те годы И. Н. Ульянов написал научную работу «О грозе и громоотводах». Но работать в Пензенском дворянском институте Илье Николаевичу вскоре стало невыносимо. М. И. Ульянова в своей книге «О В. И. Ленине и семье Ульяновых» приводит следующее сообщение М. Молебнова, основанное на данных архивного фонда Пензенского дворянского института:

«Последние годы службы И. Н. Ульянова в институте протекали в крайне неблагоприятной обстановке... Материальная необеспеченность института... расшатала учебное дело. В 1862 году половина учеников осталась на второй год... Исключение, порка розгами стали единственными методами воспитания» [1].

Илья Николаевич подал прошение о переводе его на работу в Нижний Новгород. Его просьба была удовлетворена.

Осенью 1863 года, вскоре после счастливой женитьбы на Марии Александровне Бланк, Илья Николаевич переехал в Нижний Новгород. Там он ревностно трудился над педагогической теорией, над методикой обучения и воспитания детей в народной школе, над проблемами школоведения, преподавал в мужской и женской гимназиях и на землемерно-таксаторских курсах, исполнял обязанности воспитателя в Александровском институте. Но этого ему казалось слишком мало. Его одолевала жажда широкой деятельности. И, оставив один из культурных городов Поволжья, И. Н. Ульянов вместе с семьей переезжает в Симбирск, куда получил назначение инспектором народных училищ.

Мария Ильинична в своих воспоминаниях называет

[1] *М. И. Ульянова.* О Владимире Ильиче Ленине и семье Ульяновых. М., Политиздат, 1978, стр. 224.

Симбирск более глухим, чем Нижний Новгород, захолустным, провинциальным городком.

Что побудило И. Н. Ульянова к переезду? Мария Ильинична высказывает предположение, что объяснение нужно искать в особенностях эпохи, в настроении передового общества того времени.

Это была эпоха освободительного движения 60-х годов. Сознание необходимости работать в народе и для народа, который нужно было просветить и вывести из темноты, нищеты и бесправия, широко охватило все передовое общество России в эту эпоху.

Вся Россия говорила об образовании. Лучшие писатели и педагоги того времени: Н. Пирогов, Л. Толстой, К. Ушинский и другие — писали по вопросам образования. Возникали новые школы, причем некоторые из них имели показательный характер, в частности школа Л. Толстого в Ясной Поляне. Организовывались народные библиотеки и воскресные школы для рабочих.

Илья Николаевич, происходивший из «податного состояния», с ранних лет знакомый с трудностями образования простого народа, человек идейный и гуманный, одушевленный лучшими идеями конца 60-х и начала 70-х годов, не мог остаться глух к освободительному движению, к вызванной этим движением тяге к просвещению народа.

Педагогическая работа в средних учебных заведениях перестала удовлетворять Илью Николаевича. Ему захотелось «поля работы пошире и хотелось применять ее не для более обеспеченных учеников гимназии, а для самых нуждающихся, для тех, кому всего труднее получить образование, для детей вчерашних рабов»[1].

В Симбирске в полной мере развернулся его яркий талант педагога, методиста, знатока детской психологии, школоведа и организатора.

Свою методику обучения детей Илья Николаевич Ульянов проверял в сотнях школ и радовался хорошим результатам. Он не только пропагандировал, но в какой-то мере внедрял в практику народных школ того времени идею всестороннего развития детей, настаивал на обучении девочек, доказывая, что если они ос-

[1] *А. И. Ульянова-Елизарова.* Воспоминания об Ильиче.— В кн.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. В 5-ти томах, т. 1. М., Политиздат, 1968, стр. 19—20.

танутся неграмотными, то не смогут обеспечить хорошего воспитания последующему поколению. Илья Николаевич самоотверженно добивался открытия новых школ.

Директор народных училищ И. Н. Ульянов вырастил плеяду своих последователей и вместе с ними создал сотни новых школ, основанных на самых прогрессивных принципах. Время его деятельности в Симбирской губернии называли ульяновским временем, а учителей, которых он вырастил и вооружил новаторскими идеями,— ульяновцами.

Илья Николаевич был педагог-борец, у которого новая педагогическая мысль неизменно сочеталась с борьбой за ее осуществление, с почти жертвенным трудом на ниве народного просвещения. За шестнадцать лет его деятельности в губернии количество учащихся увеличилось более чем в 2 раза. Это была поистине горячая, неутомимая борьба. Это было единство призывов и действия.

Говорят, что секрет педагогических успехов Ильи Николаевича заключался в умелом претворении в жизнь идей революционных демократов Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, Д. И. Писарева и классиков русской педагогики К. Д. Ушинского и Н. И. Пирогова. Это справедливо. Но успех завоевывался потому, что идеи революционных демократов и прогрессивных педагогов были прочувствованы сердцем и применялись творчески.

Сила Ильи Николаевича Ульянова как неустанного деятеля на ниве народного просвещения заключалась в его преданнейшей любви к отечеству, к народу, в неутомимой энергии и страстном желании служить людям.

Немало бодрости и энергии Илья Николаевич черпал в своей семье, душой которой была верная подруга его жизни, красивая, мудрая женщина, на редкость талантливая мать — Мария Александровна Ульянова. Ее любовь к мужу и детям была пламенной, разумной и деятельной.

Мария Александровна росла сиротой. Трехлетней девочкой она лишилась матери и воспитывалась в деревне Кокушкино Казанской губернии отцом и теткой. Одаренная, серьезная и вдумчивая девушка немало думала о роли семейного воспитания в формировании

человеческого характера. Она глубоко осознала все величие и значимость материнского долга. Ей было очевидно, что одним из главных условий выполнения этого долга является систематическое, глубокое образование.

В Кокушкине школы не было. Выехать для обучения в город Мария Александровна не могла из-за отсутствия средств, а учиться очень хотелось, и она занялась самообразованием. С помощью тетки Катерины Ивановны Эссен она овладела немецким, французским, английским языками, самостоятельно изучила русскую и западную литературу, другие науки гимназического курса. Затем выехала в Самару и сдала экстерном экзамены на звание домашней учительницы.

Конечно, тут сыграла огромную роль талантливость Марии Александровны, но надо заметить, что она росла в среде демократически настроенной интеллигенции, где самообразование, стремление к широким, разносторонним знаниям были жизненной нормой, где учились не только для собственного удовольствия, но сознавая, что образованный человек принесет больше пользы своему народу.

Так же самостоятельно девушка училась музыке. Ею было сыграно на рояле бесчисленное множество упражнений, этюдов, пьес. Рояль стоял в сенях, которые плохо отапливались. Девушка порой играла окоченевшими пальцами. Какое же упорство и терпение проявила она!

Мария Александровна научилась рукоделию, шила, вышивала. Кто же будет обшивать детей, создавать уют в доме? Конечно, мать. Может быть, эти стремления были подсознательными? Едва ли. Уж очень настойчиво она совершенствовала себя, готовясь к будущей семейной жизни. У Марии Александровны складывался волевой, целеустремленный, сильный характер. Его, как главное наследство, она сумела передать детям.

В своих воспоминаниях Мария Ильинична пишет: «По наружности Мария Александровна была очень красива: правильные черты лица, умные, выразительные глаза, приветливое, спокойное и в то же время какое-то величавое выражение лица. Во всем ее существе чувствовалась большая нравственная сила, выдержка и цельность».

Старшая дочь Ульяновых Анна Ильинична вспоминала, что ее мать отличалась ровным, твердым характером и в то же время веселым и приветливым нравом.

Нет сомнения, что все эти черты характера, эта выдержка, огромная внутренняя сила были результатом длительной работы над собой. Мария Александровна обладала редким обаянием, всем с ней было хорошо, уютно, весело. Но вместе с тем все охотно подчинялись ее порой жестковатым требованиям, твердому порядку жизни, который она установила.

Надежда Константиновна Крупская писала, что свою силу воли Владимир Ильич унаследовал от матери.

Сам Владимир Ильич искренне восхищался силой характера матери.

Мария Александровна была большим другом мужа и детей. Часами слушала она рассказы Ильи Николаевича о встречах с учителями и крестьянами, о его планах создания новых школ, радовалась вместе с ним успехам, горевала, когда в ответ на его настоятельные просьбы об отпуске средств на дело народного просвещения он получал отказы. Мария Александровна так глубоко прониклась интересами своего мужа, интересами народного просвещения, что и сама захотела работать с учениками. Она стала попечительницей одной из приходских школ. В фондах Дома-музея В. И. Ленина в Ульяновске хранятся воспоминания Елизаветы Осиповны Педенко, которая училась в этой школе и впоследствии стала близкой подругой Оли Ульяновой. Е. О. Педенко рассказывает, что Мария Александровна как попечительница часто бывала в их школе, интересовалась успехами девочек в учении, «входила в их семейное положение и многим помогала».

Мария Александровна немало сделала и для учеников кокушкинской школы. Сейчас эта школа носит ее имя.

В воспитании детей Илья Николаевич и Мария Александровна Ульяновы руководствовались прогрессивными педагогическими принципами, провозглашенными в трудах выдающихся русских педагогов К. Д. Ушинского и Н. И. Пирогова и революционных демократов. Все методы и средства воспитания детей в семье Ульяновых были направлены на обогащение

ума, чувств, укрепление здоровья, развитие индивидуальности.

Всю себя отдавала Мария Александровна детям. Анна Ильинична вспоминает:

«Помню зимние вечера, игру матери на фортепиано, которую я любила слушать, сидя на полу подле ее юбки, и ее постоянное общество, ее участие в наших играх, прогулках, во всей нашей жизни...

Особенно ясно запечатлелась ее игра с нами в нашем зальце и одновременно столовой на стульях, изображавших тройку и сани. Брат сидел за кучера, с увлечением помахивая кнутиком, я с мамой сзади, и она оживленно рисовала нам краткими понятными словами зимнюю дорогу, лес, дорожные встречи. Мы оба наслаждались. Ясно вставали перед глазами описываемые ею сцены. Мое детское сердчишко было переполнено чувством благодарности к матери за такую чудную игру и восхищения перед ней. Могу с уверенностью сказать, что никакой артист в моей последующей жизни не пробудил в моей душе такого восхищения и не дал таких счастливых, поэтических минут, как эта бесхитростная игра с нами матери. Объяснялось такое впечатление, кроме присущего матери живого воображения, несомненно, еще и тем, что она искренно входила в нашу игру, в наши интересы, умела для того, чтобы доставить нам радость, увлечься и сама, а не снисходила до игры».

Может быть, именно поэтому она всегда выглядела очень молодой, оживленной, подвижной, жизнерадостной. Дети не старили, а молодили Марию Александровну.

Илья Николаевич и Мария Александровна сумели сделать детство своих сыновей и дочерей поистине золотым: радостным, счастливым. Но это было золотое детство без баловства, без праздности, без излишеств. Наверное, только такое детство, где много радости и много полезной деятельности, создает отличное душевное здоровье, которым были столь богаты Ульяновы.

Мария Александровна обладала даром глубокого понимания детей: она понимала их маленькими, когда дети не могли вовремя спуститься с чердака к обеду, так как до самозабвения были заняты игрой в индейцев, понимала их в отрочестве, когда они уезжали в «кругосветное» путешествие на лодках, понимала и

в юности, когда все дети увлекались нелегальной литературой, а потом вступили на путь революционной борьбы. Анна Ильинична писала о матери:

«Несчастье с потерей старшего брата было из ряда вон выходящим, и все же оно не подавило ее, она высказала так много силы воли, что, скрывая, по возможности, свои слезы и тоску, заботилась, как прежде, еще больше, чем прежде, о детях, потому что после смерти мужа ей одной приходилось заботиться о них.

Она старалась, по мере возможности, не омрачать их молодую жизнь, давать им строить свое будущее, свое счастье... И она понимала их революционные стремления».

Мать ни в чем не была помехой для своих детей. Наоборот, ее поддержка, ее советы, ее мужество были для них источником новых сил и вселяли веру в победу.

Мария Александровна много читала и думала, вслушивалась в споры и суждения детей, осмысливала сущность их сложной жизни и революционной борьбы. И чем дальше с возрастом, тем больше углублялось духовное общение между детьми и матерью, развивался интерес к новому в литературе и искусстве.

В письме из эмиграции от 24 марта 1902 года Владимир Ильич пишет матери: «Видаю иногда русские журналы... Как у вас довольны новой вересаевской повестью в «Мире Божьем»? [1] Я поначалу ждал большего, а продолжением не совсем доволен.

Крепко обнимаю тебя, моя дорогая, и шлю большой привет Маняше и всем знакомым. Твой В. У.» [2]

А вот письмо из Лондона. В нем Владимир Ильич делится с матерью своими впечатлениями о новой музыке: «Недавно были первый раз за эту зиму в хорошем концерте и остались очень довольны,— особенно последней симфонией Чайковского... Бывают ли у вас в Самаре хорошие концерты? В театре немецком были раз,— хотелось бы в русский Художественный, посмотреть «На дне»...

Крепко тебя обнимаю, моя дорогая, и желаю всего лучшего, особенно здоровья» [3].

---

[1] Речь идет о повести В. В. Вересаева «На повороте», опубликованной в журиале «Мир Божий», 1902, № 1, 2, 3.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 55, стр. 219.

[3] Там же, стр. 229.

И еще письмо — из Мюнхена: «Бываете ли в театре? Что это за новая пьеса Чехова «Три сестры»? Видели ли ее и как нашли? Я читал отзыв в газетах. Превосходно играют в «Художественном — общедоступном» — до сих пор вспоминаю с удовольствием свое посещение в прошлом году...» [1]

Из переписки Владимира Ильича с матерью видно, что Мария Александровна снабжала сына книгами, теоретическими журналами, бюллетенями, помогала в пересылке нелегальной литературы и рукописей, выполняла многие его поручения.

В письме к матери от 17 ноября 1908 года из Женевы Владимир Ильич писал:

«Очень прошу черкнуть мне пару слов немедленно о получении рукописи» [2].

В другом письме от 10 декабря 1908 года Владимир Ильич пишет:

«Посылаю еще несколько маленьких поправок к 5-й главе. Корректуры очень прошу высылать мне полистно... чтобы я мог просмотреть» [3].

Так мать, движимая великой любовью к сыну, была ему всегда и во всем опорой. Дело его жизни она считала своим.

Поражает беседа Владимира Ильича с матерью в письме, которое он ей прислал из Шушенского 1 сентября 1899 года. Тогда Марии Александровне было уже 64 года. Владимир Ильич рассказывает, что они с Надеждой Константиновной тотчас принялись читать присланную им книгу Бернштейна.

«Теоретически — невероятно слабо; повторение чужих мыслей,— пишет матери об авторе книги Владимир Ильич.— Фразы о критике, и нет даже попытки серьезной и самостоятельной критики. Практически — оппортунизм (фабианизм, вернее: оригинал массы утверждений и идей Бернштейна находится у Webb'ов [4] в их последних книгах), безграничный оппортунизм и поссибилизм, и притом все же *трусливый* оппорту-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 55, стр. 204.

[2] Там же, стр. 260. Речь идет о книге В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм».

[3] Там же, стр. 263.

[4] Супруги Беатриса и Сидней Вебб — известные общественные деятели, авторы ряда книг по истории английского рабочего движения, в переводе некоторых из них на русский язык, их редактировании принимал участие В. И. Ленин.

низм, ибо программы Бернштейн прямо трогать не хочет. Вряд ли можно сомневаться в его фиаско»[1].

Это и многие другие письма В. И. Ленина к матери доказывают, что между ними было глубокое духовное общение. Больше того, есть уверенность, что Мария Александровна не только пересылала Владимиру Ильичу в Швейцарию корректуру его книги «Материализм и эмпириокритицизм», но и разбиралась в ее содержании.

Так эта изумительная женщина и в старости продолжала совершенствовать себя, движимая горячей любовью к детям, во имя дела, которое для нее стало родным и близким.

Смерть мужа, казнь горячо любимого первенца Александра, страдания детей в жандармских застенках, в одиночных камерах тюрем, в ссылках, смерть детей, невыносимая материнская боль и постоянная тревога за них не согнули эту мужественную женщину. Она всегда высоко и гордо держала голову.

Мария Александровна Ульянова, Мать и Человек с большой буквы, была достойна своих детей, пламенных революционеров, была достойна своего сына — гения пролетарской революции.

Мария Александровна совсем немного не дожила до торжества тех идей, во имя которых сражались, шли в тюрьмы, в ссылки ее дочери и сыновья — герои революции. Но их душевное богатство, нравственная красота и несгибаемое мужество оставались в них частью ее самой, и поэтому человечество всегда будет бережно хранить память об этой великой матери.

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 55, стр. 176.

ПРИНЦИПЫ ВОСПИТАНИЯ

Высокие идеалы

Чем больше вдумываешься в факты, воспоминания, переписку и другие документы, характеризующие воспитание в семье Ульяновых, тем более убеждаешься, что это действительно была *система* воспитания, основанная на глубоко продуманных принципах.

Один из принципов — воспитание на высоких идеалах, на примерах жизни передовых русских общественных деятелей, в духе подлинной гражданственности.

Нельзя воспитывать вслепую. Идеал человека — это светлая и вдохновенная цель воспитания. Кто не осмыслит ее, тот неизбежно будет ошибаться, того ждет немало огорчений и разочарований.

Илья Николаевич и Мария Александровна Ульяновы презирали все эгоистическое, обывательское, мелкое. Они исповедовали самые высокие идеалы, повсюду искали их. «Колокол» А. И. Герцена, бесстрашные протесты певца народного горя Н. А. Некрасова, накаленное до предела гневное слово русских революционных демократов были известны им и находили в душе горячий отклик.

Илья Николаевич и Мария Александровна были страстными поклонниками идей Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, Д. И. Писарева. И несмотря на то, что их литературные произведения находились в те годы под запретом, Ульяновы помогали своим детям познакомиться с ними, понять и оценить их.

Стихи повешенного Николаем I поэта-декабриста К. Ф. Рылеева, поэмы Н. А. Некрасова заучивались в доме наизусть.

Илья Николаевич часто напевал запрещенную песню поэта-петрашевца А. Н. Плещеева:

Любовью к истине святой
В тебе, я знаю, сердце бьется

И, верю, тотчас отзовется
На неподкупный голос мой.
. . . .
По духу братья мы с тобой.
Мы в избавлеиье верим оба,
И будем мы питать до гроба
. . . .
Вражду к бичам страны родной.

В эту песню Илья Николаевич вкладывал всю душу, она «для него была чем-то вроде «святая святых...»».

Анна Ильинична вспоминает, что восьмилетний Саша с недетской серьезностью декламировал стихотворение К. Ф. Рылеева «Иван Сусанин». А в одиннадцать лет он читал наизусть «Размышления у парадного подъезда» и «Песню Еремушке» Н. А. Некрасова. Саша говорил, что эти стихи ему дал папа, они ему очень понравились, и он выучил их.

Илья Николаевич считал, что ребенок должен хорошо понимать смысл каждого прочитанного слова, понятия, названия. И нет сомнения, что в семье шли разговоры о несгибаемой воле, революционной страстности Н. Г. Чернышевского, о мученической смерти К. Ф. Рылеева, о бесстрашии и лютой ненависти к угнетателям народа Н. А. Добролюбова и Д. И. Писарева, о поэте «гнева и печали» Н. А. Некрасове.

И с очень раннего возраста в сознании детей складывался идеал борцов, которые сознательно и самоотверженно действовали оружием, разящим поэтическим словом, смелым публицистическим выступлением, защищая исстрадавшийся трудовой народ.

Дети Ульяновых хорошо знали биографии революционеров того времени. Так, Саша Ульянов, будучи подростком, с великим гневом говорил о жандарме, который видел, как тонул Д. И. Писарев, и ничего не предпринял для его спасения.

Как рассказывала Анна Ильинична, отец приобрел детям полное посмертное издание сочинений Некрасова и они читали и перечитывали его, особенно увлекались «Дедушкой» и «Русскими женщинами».

Сама Анна Ильинична под влиянием книг Д. И. Писарева, которые она перечитывала не раз «от доски до доски», решила посвятить себя педагогической и общественной деятельности.

Володя Ульянов увлекался романом Н. Г. Черны-

шевского «Что делать?». Позднее В. И. Ленин утверждал, что этот роман «перепахал его».

В личном альбоме В. И. Ленина, где он хранил фотографии общественных деятелей, оказавших на него особенно сильное влияние, были портреты К. Маркса, Ф. Энгельса, А. И. Герцена, Д. И. Писарева и Н. Г. Чернышевского. Любовь и уважение к революционным демократам В. И. Ленин пронес через всю жизнь. Эта любовь была взлелеяна его родителями.

Семья Ульяновых была устремлена ко всему новому, прогрессивному в литературе, искусстве, в педагогике, в жизни. Ульяновы любили поэзию А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова, зачитывались великим обличителем самодержавного строя М. Е. Салтыковым-Щедриным. Они выписывали сатирический журнал «Искра», бичевавший бюрократизм, подлость, жестокость, глупость.

Родители обладали удивительной способностью очень сложный литературный и жизненный материал сделать доступным и интересным для детей разных возрастов. Например, стихи поэтов-искровцев заучивались наизусть всеми детьми, но каждый в зависимости от возраста получал особое разъяснение. Надежда Константиновна удивлялась, как много стихов поэтов-искровцев помнил Владимир Ильич с детства.

Отец и мать Ульяновы ставили перед собой практическую задачу — формирование личности гражданина. Они отдавали себе отчет в том, что эту задачу невозможно решить в полной мере, если их дети не будут приобщены к общественным делам. Илья Николаевич и Мария Александровна, по-видимому, были согласны с Н. Г. Чернышевским, который писал: «...Без приобретения привычки к самобытному участию в гражданских делах, без приобретения чувств гражданина ребенок мужского пола, вырастая, делается существом мужского пола средних, а потом пожилых лет, но мужчиной он не становится или по крайней мере не становится мужчиной благородного характера. Лучше не развиваться человеку, нежели развиваться без влияния мысли об общественных делах, без влияния чувств, пробуждаемых участием в них. Если из круга моих наблюдений, из сферы действий, в которой вращаюсь я, исключены идеи и побуждения, име-

ющие предметом общую пользу, то есть исключены гражданские мотивы, что остается наблюдать мне? в чем остается участвовать мне? Остается хлопотливая сумятица отдельных личностей с личными узенькими заботами о своем кармане, о своем брюшке или о своих забавах» [1].

Илья Николаевич и Мария Александровна мечтали увидеть своих детей достойными гражданами России. Поэтому они развивали у детей широту взглядов, за которой следует благородство поступков. Они поощряли развитие в детях энергии, направленной на общественную пользу. В те времена возможности для этого были довольно ограниченные. У нас сейчас дети очень рано приобщаются к общественной деятельности в октябрятских звездочках, пионерских отрядах и комсомольских организациях. Тогда же само понятие «общественная деятельность» считалось крамолой. Но отец и мать Ульяновы и в той жизни изыскивали способы развития общественной активности детей. Они одобрительно относились к тому, что их дети помогали своим одноклассникам в учении.

Дети Ульяновых постоянно были окружены одноклассниками, которым с неизменным увлечением объясняли трудные теоремы или сложные правила из латинского, греческого, немецкого и французского языков.

Будучи убежденными патриотами, супруги Ульяновы жили интересами своей страны. В пример детям они ставили героев-патриотов времен войны 1812 года, беседовали с ними о великих ученых и писателях, которые прославили русскую державу. Но вместе с тем они, надо полагать, были согласны с Н. А. Добролюбовым, который ратовал за новое, обогащенное понятие патриотизма.

«...В недавнее время,— писал Н. А. Добролюбов,— патриотизм состоял в восхвалении всего хорошего, что есть в отечестве; ныне этого уже недостаточно для того, чтобы быть патриотом. Ныне к восхвалению хорошего прибавилось неумолимое порицание и преследование всего дурного, что еще есть у нас. И нельзя не сознаться, что последнее направление патриотизма гораздо практичнее, потому что вытекает прямо из жиз-

[1] *Н. Г. Чернышевский.* Полн. собр. соч. в 15 томах, т. 5. М., Гослитиздат, 1950, стр. 168—169.

ии и ведет прямо к делу, возбуждая энергию воли и внимание к настоящему течению дел» [1].

Формированию такого понимания патриотизма у детей способствовало чтение и обсуждение обличительных произведений М. Е. Салтыкова-Щедрина, острой сатиры поэтов-искровцев, наконец, изучение произведений революционных демократов.

Незадолго до смерти Ильи Николаевича из Петербурга на каникулы приехал Саша. Он уже тогда в студенческом кругу стал общественным деятелем. Они с Аней были участниками демонстрации в связи с двадцатипятилетием со дня смерти Н. А. Добролюбова.

Отец и Саша долго ходили по саду и беседовали. Никто не слышал этой беседы, но сестры Ульяновы в своих воспоминаниях утверждают, что у них есть основание предполагать, что Саша высказал отцу свое глубочайшее неудовлетворение существующим политическим строем.

А вот что рассказал в своих воспоминаниях Дмитрий Ильич: «Если принять во внимание, что у отца с Александром Ильичем были — судя по всем данным — самые близкие товарищеские отношения, что отца чрезвычайно интересовали все переживания брата, нельзя допустить ни в коем случае, чтобы он мог скрыть от отца свои политические убеждения».

Идейное и нравственное воспитание было предметом серьезной заботы родителей Ульяновых.

Илья Николаевич, демократ по натуре, доступный всем, очень простой в обхождении и в своих потребностях, беззаветно любил родной народ, глубоко страдал за него, отдавал все свои силы, здоровье делу его просвещения. Он восхищался героями-подвижниками, которые многим жертвовали во имя народа, верил, что эти жертвы не напрасны.

Одним из любимых стихотворений Ильи Николаевича было «Поэт и гражданин» Н. А. Некрасова, которое заканчивается следующими строками:

Не может сын глядеть спокойно
На горе матери родной,
Не будет гражданин достойный
К отчизне холоден душой,
Ему нет горше укоризны...

[1] *Н. А. Добролюбов.* Собр. соч. в 3 томах, т. 2. М., Гослитиздат, 1952, стр. 682—683.

Иди в огонь за честь отчизны,
За убежденье, за любовь...
Иди и гибни безупречно.
Умрешь недаром...

Глубокая любовь к народу помогала Илье Николаевичу и Марии Александровне воспитывать детей борцами за народное счастье.

Ульяновы с уважением относились к людям труда всех национальностей. Так, например, они дружили с семьей просветителя чувашского народа Ивана Яковлевича Яковлева.

И. Я. Яковлев был родом из чувашского села Кошки Буинского уезда Симбирской губернии. Он закончил землемерную школу при Симбирской удельной конторе, потом, несмотря на многочисленные трудности и препятствия, окончил с золотой медалью Симбирскую гимназию, а затем и Казанский университет. Иван Яковлевич добился открытия чувашской симбирской школы, а через несколько лет и учительской семинарии, которая давала по тому времени прекрасную общеобразовательную, педагогическую и трудовую подготовку будущим чувашским учителям. Сам Иван Яковлевич был впоследствии назначен инспектором чувашских школ Казанского учебного округа.

И. Я. Яковлеву всячески препятствовали, его обвиняли в политической неблагонадежности, в сепаратизме. В школе, которую он возглавлял, не раз производились обыски. И тем не менее благодаря его упорству и энтузиазму в Поволжье были открыты 1200 школ.

Илья Николаевич Ульянов неотступно помогал Яковлеву в его благородной борьбе за просвещение чувашей.

И. Я. Яковлев платил за дружбу дружбой. Он поддерживал Марию Александровну в трагические дни смерти Ильи Николаевича и казни Саши.

Владимир Ильич глубоко уважал и ценил И. Я. Яковлева, интересовался его жизнью и работой. В апреле 1918 года В. И. Ленин направил в Симбирск председателю Совдепа телеграмму следующего содержания:

«Сообщите по телеграфу обстоятельства и условия избрания председателей чувашской женской и мужской учительских семинарий. Меня интересует судьба инспектора Ивана Яковлевича Яковлева, 50 лет рабо-

тавшего над национальным подъемом чуваш и претерпевшего ряд гонений от царизма. Думаю, что Яковлева надо не отрывать от дела его жизни» [1].

Настоящий патриот своей родины, человек образованный и гуманный, добрый и отзывчивый, Илья Николаевич Ульянов был подлинным интернационалистом. Для детей татар раньше существовали главным образом мусульманские духовные училища. Илья Николаевич организовал много светских татарских и мордовских школ, обеспечивал их учителями и необходимыми учебниками, добивался хорошей постановки преподавания. Это потребовало самоотверженной борьбы с шовинистами из местного и вышестоящего начальства, которые утверждали, что малым национальностям свойственна природная умственная отсталость. Чинились всяческие препятствия распространению среди них образования. У Ильи Николаевича было немало неприятностей по службе, но он продолжал настойчиво добиваться развития просвещения среди многочисленных народностей Поволжья.

Все это было прекрасно известно детям. Практические шаги родителей в помощь людям разных национальностей, несомненно, оказали на них благотворное влияние. Володя дружил с пастухом татарином Бахавием, другом детства Дмитрия был чуваш Алексей Яковлев.

Родители Ульяновы, воспитывая у детей благородные идеалы, помогали им приобщаться к возможной в тех исторических условиях общественной деятельности, развивали в них чувства патриотизма, интернационализма, способность ценить красоту и величие своей родины, стремление к действенному протесту против подлости, жестокости, несправедливости.

Гармоническое развитие

Родители В. И. Ленина были современниками Карла Маркса. Но марксистское учение о гармоническом развитии личности было еще неизвестно в России. И все же Ульяновы в практике семейного воспитания своих детей придерживались именно этого принципа.

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 50, стр. 61.

Подлинно научная теория тем и сильна, что она черпает свою животворную силу в прогрессивных тенденциях практической жизни, вскрывает и обосновывает закономерности и затем освещает путь дальнейшему развитию явлений. И надо отдать должное Илье Николаевичу: он делал настойчивые попытки идею гармонического развития личности применить в какой-то мере в практике подведомственных ему школ. Об этом рассказывается в интересной книге «Семья Ульяновых», которая вышла в Приволжском издательстве.

И. Н. Ульянов не был согласен с официальным Положением о начальной школе, в котором указывалось, что учеников надо только научить читать, писать и считать. Он вводил объяснительное чтение, которое давало учащимся возможность овладеть элементарными знаниями по истории, географии и естествознанию. Илья Николаевич широко пропагандировал наглядность обучения и старался обеспечить учащихся соответствующими учебными пособиями. Он давал в школах показательные уроки и тем самым помогал учителям увидеть свои недостатки и овладеть педагогическим мастерством. Илья Николаевич интересно объяснял учителям, как необходимо учитывать личный житейский опыт школьников. Он, например, обратил внимание учительницы Волковой на то, что она напрасно использовала при объяснении дробей нарисованные апельсины, которые делятся на дольки: дети апельсинов никогда не видели.

И. Н. Ульянов настаивал на создании пришкольных участков, где дети могли бы применять полученные знания и вырабатывать практические навыки по сельскому хозяйству, добился от губернского земского собрания согласия на введение в лучших народных школах обучения слесарному, кузнечному, столярному и сапожному делу.

Илья Николаевич Ульянов требовал обязательных занятий с детьми гимнастикой; при многих школах были оборудованы гимнастические площадки. Он старался во всех школах ввести пение, добивался создания школьных хоров и настаивал, чтобы дети овладевали нотной грамотой.

Все это, вместе взятое, безусловно, было серьезной попыткой подойти к решению задачи всестороннего развития учащихся.

Этой идеей было проникнуто и семейное воспитание в доме Ульяновых.

Илья Николаевич и Мария Александровна много сил отдали умственному развитию детей, их образованию. В этом отношении они всем сердцем были согласны с Д. И. Писаревым, который писал:

«...Общее образование есть скрепление и осмысление той естественной связи, которая существует между отдельной личностью и человечеством... Давая вам возможность интересоваться теми вопросами науки и жизни, которые занимают лучших и умнейших людей вашего времени, общее образование обогащает ваше существование такими тревогами и наслаждениями, которые совершенно непонятны и недоступны вашим необразованным современникам и соотечественникам...» [1]

Обучение чтению в семье Ульяновых начиналось с пяти лет. Средняя дочь Ольга выучилась читать четырех лет. В Доме-музее В. И. Ленина я видела под стеклом сочинение тринадцатилетней Ольги. Там есть такие строки:

«Мне было четыре года, когда моего старшего брата (Володю.— *И. П.*) научили грамоте. Я была очень дружна с братом и не хотела от него отставать. Мои родители не учили меня, думали, что я еще мала и мне будет трудно. Но у меня была большая охота учиться и я выучилась сама с помощью сестры и брата. Читать я очень любила и читала довольно много. Я прочитала довольно много детских книг; особенно нравились мне стихи и я знала их наизусть... Около шести лет я научилась писать с мамой».

Занималась с младшими братьями и сестрами и Анна Ильинична, которая сама писала и читала с пяти лет. Оля Ульянова утверждала, что первой классной комнатой для нее была комната старшей сестры Ани.

И как только дети овладевали русской грамотой (говорили, читали, писали), Мария Александровна сразу же начинала обучать их иностранным языкам. Здесь она, по-видимому, следовала указаниям Д. И. Писарева, который говорил, что знание иностранных языков необходимо каждому, кто хочет серьез-

---

[1] *Д. И. Писарев.* Полн. собр. соч. в 6 томах, т. 4. Спб., 1914, стр. 589—590.

но заниматься какой-нибудь отраслью науки, и далее напоминал родителям: «Маленькие дети, от 3 до 10 лет, с изумительной легкостью запоминают слова и обороты речи; в этом возрасте они могут в полгода, много в год, выучиться говорить на иностранном языке» [1].

Очень поощрялось родителями заучивание наизусть стихотворений. Володя и Оля знали в 5—6 лет большие для их возраста произведения: «Сказку о воробье, который делал в жизни все, что мог», а также «Колыбельную» М. Ю. Лермонтова.

Ярким примером был для детей Илья Николаевич, который сам знал множество стихов, поэм А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. А. Некрасова, А. Н. Плещеева.

Родители стремились выработать у детей постоянную потребность читать. Илья Николаевич снабжал их книгами и журналами соответственно возрасту. Выписывались журналы «Семья и школа», «Детское чтение», а когда дети подрастали, то они читали серьезные журналы — «Отечественные записки», «Русское слово», «Дело» и др.

Илья Николаевич очень серьезно руководил чтением детей. Анна Ильинична писала: «Всех русских классиков мы прочли в средних классах гимназии. Отец рано дал их нам в руки, и я считаю, что такое раннее чтение сильно расширило наш горизонт и воспитало наш литературный вкус...

Помню, как я начала «Петербургские трущобы» [2], которыми бредили в моем классе, и бросила скоро, ибо они вызывали во мне лишь скуку и отвращение».

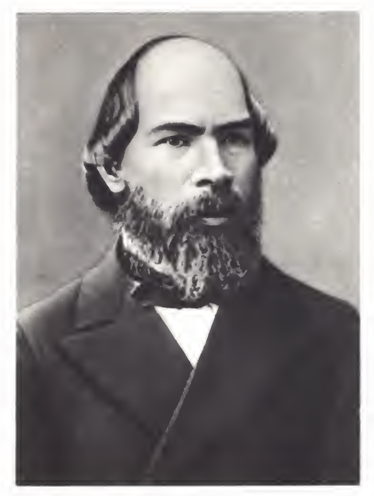
В свое время А. С. Пушкин говорил: «Чтение — вот лучшее учение». Книга в семье Ульяновых была главнейшим средством умственного развития детей, она обогащала их новыми знаниями. Детям прививался интерес не только к художественной, но и к научной литературе. И опять-таки перед ними был удивительный пример старших. Мария Александровна с увлечением читала, например, «Историю французской революции» на французском языке. Внимательно прочитывала журналы естественнонаучного характера.

Илья Николаевич всю жизнь не изменял своим любимым математическим наукам и внимательно сле-

[1] *Д. И. Писарев.* Полн. собр. соч. в 6 томах, т. 4, стр. 557.
[2] Роман В. В. Крестовского.

Семья Ульяновых. 1879 г.

Илья Николаевич Ульянов

Мария Александровна Ульянова

Анна Ильинична
Ульянова

Александр Ильич
Ульянов

Володя и Оля Ульяновы в раннем детстве

В. И. Ленин
(Ульянов) —
гимназист 8-го класса.

1887 г.

Ольга Ильинична
Ульянова

Маняша и Митя
Ульяновы.
1880 г.

Дмитрий Ильич
Ульянов
в гимназические годы.
1893 г.

Мария Алексаидровна и Мария Ильинична Ульяновы. 1913 г.

дил за их прогрессом. Стремясь к раннему умственному развитию детей, отец постоянно снабжал их доступной для понимания научной литературой.

В библиотеке Ульяновых были: К. Краевич — «Космос для юношества», «Метеорологическое обозрение России» (Под ред. акад. Купфера. Изд. 1850—1862), Ж. Жамен и А. Вюльнер — «Полный курс физики в четырех томах», Иоганн Г. Я. Мюллер — «Учебник космической физики», Полное собрание сочинений по геометрии (2 тома) великого русского математика Н. И. Лобачевского, книги Д. И. Менделеева — «Органическая химия», «Аналитическая химия», «Основы химии», А. Н. Бекетова — «Беседы о земле и тварях, на ней живущих» и др.

По математике, физике и метеорологии библиотека содержала 60 книг. По естествознанию — 22 книги.

В собственной библиотеке Александра Ильича имелись книги по политэкономии, истории и социальным вопросам — всего 68 книг, в том числе: К. Маркс и Ф. Энгельс — «Манифест Коммунистической партии» (гектограф), К. Маркс — «Капитал», т. I, 1870, и 18 книг по химии, ботанике и зоологии.

Но дети пользовались не только домашней библиотекой, они брали книги в городской библиотеке имени Н. М. Карамзина. И опять-таки великолепным примером для них был Илья Николаевич, который являлся не только постоянным читателем этой библиотеки, но и членом ее комитета и не раз вносил на ее содержание деньги из своих личных средств.

Родители дали детям могучий толчок для самостоятельного изучения наук. Преподаватель Казанского университета Г. Н. Шебуев, читавший лекции по физике и математике, утверждал, что Владимир Ильич обладал математическим складом ума и огромными математическими познаниями.

Научные устремления Александра Ульянова определились рано. Естественные науки были предметом увлечения и Дмитрия Ильича. Успехи Анны Ильиничны по естественным наукам в аттестате об окончании гимназии отмечены как отличные. Очень упорной в овладении науками была Ольга. Мария Ильинична вспоминала:

«Помимо большой одаренности и развития не по летам, которому чрезвычайно благоприятствовали

семейные условия, Оля обладала еще огромной трудоспособностью. Без преувеличения можно сказать, что она не работала только тогда, когда спала. Она так увлекалась своими занятиями, в частности математикой, которую очень любила, что вечером, когда вся наша семья собиралась в столовой к вечернему чаю, матери стоило большого труда настоять, чтобы Ольга отложила свои книги и тетради и присоединилась ко всем»[1].

Неотъемлемая сторона гармонического развития детей — трудовое воспитание и умение применять полученные знания на практике.

В Симбирске тех времен промышленность была развита слабо, не было железной дороги. Но Илья Николаевич не раз совершал с детьми поездки по Волге на пароходах и, как физик, не мог не обращать их внимания на работу паровой машины. Илья Николаевич ездил в Москву на Всероссийскую выставку, о которой много потом рассказывал детям дома. Привез с выставки наглядные пособия: они показывали связь физики, химии, математики, естествознания, которые дети изучали в гимназии, с новыми достижениями науки, техники и основами производства. Выписывал Илья Николаевич и политехнические плакаты (настольные выставки) и, прежде чем передавать их в школы, показывал детям.

Сам Илья Николаевич отлично владел столярным и токарным инструментами. Об этом можно судить по тому, что он собственноручно выточил из пальмового дерева полный набор шахматных фигур.

Ручному труду он обучал и своих детей.

Володя, работая топором, рубанком, ножом и стамеской, мастерил деревянные гимнастические снаряды.

Саша своими руками оборудовал химическую лабораторию, ему приходилось и столярничать и плавить стекло. В этой лаборатории вместе с Володей он проделывал сложные химические опыты. Родители поощряли эти увлечения сыновей, помогали им всем, чем могли: делом, советом.

Мария Александровна обучала девочек кройке, работе на швейной машине. Они шили платье и белье не только себе, но и мальчикам.

---

[1] Семья Ульяновых. Саратов, Приволж. кн. изд., 1966, стр. 43.

Дети много работали с картоном, деревом, оловом, фольгой. Все игрушки, за очень небольшим исключением, изготовлялись своими руками.

Эстетическим воспитанием детей больше всего занималась Мария Александровна. Она научила детей с самых ранних лет наслаждаться музыкой. Много пели во время далеких прогулок в лес, в поле, по берегу Волги. Постоянно составлялись дуэты, трио и хоры.

Н. И. Веретенников рассказывал, что в Кокушкине очень часто устраивались музыкальные вечера.

«В ненастные дни... собрав у рояля в кружок ребят, тетя Маша образно рассказывала содержание оперы Верстовского «Аскольдова могила», дополняя рассказ музыкой и пением... Володя и Оля, музыкальные по натуре, внимательно вслушиваются в музыку и пение. Маленький Митя, всецело поглощенный фабулой, не сводит своих разгоревшихся карих глаз с тети Маши... Мы все сидим затихшие, притаившиеся, завороженные».

В семье Ульяновых любили петь. Малыши любили песенку «Борзый конь»:

Гоп, гоп, гоп! Ну, скачи в галоп!
Ты лети, конь, скоро, скоро
Через реки, через горы...

С удовольствием пели о ласточке:

Травка зеленеет,
Солнышко блестит,
Ласточка с весною
В сени к нам летит...

Взрослели сыновья и дочери, серьезнее становились песни. Чаще всего они звучали в тихие зимние вечера, дома.

Володя и Оля любили петь дуэтом «Нелюдимо наше море». Володе особенно нравился куплет:

Но туда выносят волны
Только сильного душой!..
Смело, братья! Бурей полный,
Прям и крепок парус мой.

Владимир Ильич любил петь «Свадьбу» А. С. Даргомыжского, «Чудные глазки» на слова Гейне и арию Валентина из оперы «Фауст». Дмитрий Ильич вспоминает, что одно место в этой арии у брата выходило

особенно хорошо, видимо, смысл его очень импонировал бурному темпераменту Володи, его боевому духу:

Там, в кровавой борьбе, в час сраженья,
Кляиусь, буду первым я в первых рядах...

В статье «О любви к музыке» Дмитрий Ильич рассказывал, что к некоторым песням Владимир Ильич добавлял собственные куплеты. Вернувшись из Шушенского, он привез много песен, написанных ссыльными. Одна из любимых Владимиром Ильичем песен называлась «Великие устои». Вот одно из ее четверостиший:

И подиимется красиое знамя,
Не помогут тюрьма и штыки.
Разгорится мятежиое пламя,
Побегут перед иами полкн.

Другая песня называлась «Туруханской».

Очень любил Владнмир Ильич польские революцнонные песни «Красное знамя» и «Варшавянку».

Дмитрий Ильич рассказывал, что Владимир Ильнч очень жалел, что в свое время не научился играть на скрипке нлн рояле. Между тем, как утверждала Мария Александровна, у него были недюжинные способности. Учиться игре на рояле начинали все, в том числе и Владимир Ильнч. Мать терпеливо занималась со всеми детьми. Но вот перестал играть Саша, а вслед за ним и Володя (в воспоминаннях родных указывается, что в те времена было прннято, чтобы музыкой занимались девушки, а не юноши).

И хотя музыку любили все, успешно совмещала занятия музыкой с математикой и естественными науками только одна Ольга. В одном из писем к подруге она писала:

«Да, конечно, музыка чудная, прекрасная вещь, источник чнстого наслажденця» [1].

В другом пнсьме нз Казани Оля рассказывает:

«Здесь можно слышать хорошую музыку: зимой в опере, а теперь на музыкальных симфонических собраниях, которые устраиваются под руководством Орлова-Соколовского. Особенно хорош бывает оркестр... Я очень люблю серьезную музыку, хотя думаю, что еще не довольно хорошо ее понимаю...»

[1] Письма Ольги Ульяиовой к А. Щербо, март — ноябрь 1889 г. Фонды Дома-музея В. И. Леннна в Ульяновске.

Во многих письмах подруге Саше Щербо Оля признавалась, что часто хандрит, но ей помогает музыка.

«Еще вчера на меня напала хандра,— писала девушка.— Но на мое счастье удалось попасть в театр на «Фауста» (прекрасная опера). И эти чудные звуки приободрили» [1].

Музыка в семье Ульяновых прежде всего была средством эстетического воспитания.

Илья Николаевич и Мария Александровна отлично понимали, что Оля не станет блестящей музыкантшей, но разрешали ей сидеть за роялем столько, сколько она хотела, не считая, что девочка понапрасну теряет время. Изучая музыку, увлекаясь ею, Оля глубже чувствует красоту. Сохранились переписанные рукой Оли ноты: романс П. И. Чайковского «Ни слова, о друг мой», «Свадьба» А. С. Даргомыжского, арии из «Демона» А. Рубинштейна, «Северной звезды» М. Глинки, романс И. Саца на слова М. Ю. Лермонтова «Как небеса твой взор блистает» и другие, а также украинские народные песни.

Эти музыкальные произведения Ольга не только переписывала, но и трудилась над ними как исполнительница.

Ольга не могла жить без музыки. Как бы ни была она занята, она находила время для любимого занятия. В Казани Ольга давала платные уроки, чтобы помогать матери, изучала шведский язык и все-таки одновременно посещала музыкальную школу. «Ты спрашиваешь меня о музыкальной школе? — писала Оля подруге.— Мне очень нравится заниматься там, хотя я не думаю, что буду кончать в ней курс». (Ольга готовилась к поступлению в Гельсингфорсский университет.— *И. П.)*

Очень увлекались музыкой также Анна Ильинична и Мария Ильинична.

Старшие дети Ульяновых помогали младшим в музыкальном образовании. Александр не раз присылал ноты из Петербурга для сестер. Анна в одном из писем матери пишет, что обошла все букинистические магазины, доставала для Маняши новые ноты.

---

[1] Письма Ольги Ульяновой к А. Щербо, март — ноябрь 1889 г. Фонды Дома-музея В. И. Ленина в Ульяновске.

Эстетическое воспитание в семье Ульяновых не ограничивалось музыкой. Отец и мать очень глубоко чувствовали красоту природы и старались это чувство привить детям. Всей семьей часто выходили на Волгу наблюдать ледоход, совершали прогулки в лес, любовались восходами и закатами солнца.

Саша с друзьями часто отправлялся к реке, которая находилась в девяти километрах от деревни Кокушкино. Он так восхищался красотой природы, открывшейся ему там, так красочно об этом рассказывал, что однажды всей семьей решили поехать вместе с Сашей. Один из участников поездки, Н. И. Веретенников, вспоминает:

«Сразу по выезде из леса, самого́ по себе красивого, мы увидели обширный луг с разбросанными по нему отдельными пышными, развесистыми деревьями. За лугом, в твердо очерченных невысоких берегах, блестела широкая полоса реки. По противоположному берегу ее теснился высокой стеной сосновый бор; отражаясь как бы опрокинутым в реке, он манил к себе.

Пожалев, что нет лодки и нельзя переправиться на другой берег, мы прошли вдоль реки до поросших молодыми деревцами холмиков, тоже очень живописных...

В восхищении я воскликнул:

— Совсем как Бежин луг у Тургенева! Точно декорации!

Володя возразил, что на Бежин луг не совсем похоже, но согласился, что пейзаж действительно красивый и, конечно, лучше всяких декораций.

Впоследствии мы много раз ездили на Мешу, даже отвезли туда лодку...»

Мария Александровна всегда заботилась о том, чтобы при доме был сад и цветник. Сама она страстно любила розы и умело выращивала их. Все дети с восторгом помогали ей. Мария Ильинична писала: «Помню летние вечера после сухих, жарких дней и всех нас с лейками, с ведрами, с кувшинами — со всякой посудой, в которую можно было набрать воды, накачивающими воду из колодца и путешествующими в сад к грядкам и обратно. Помню, как быстро мчался оттуда с пустой лейкой Володя».

Ближе к вечеру все Ульяновы и их родные частенько собирались на скамейке в цветнике. Здесь росли

флоксы, левкои, душистый горошек, никациана, настурции и необыкновенная по своему тончайшему запаху резеда.

В семье Ульяновых всячески поощрялось занятие детей рисованием. Саша по созданному им самим живописному орнаменту очень искусно выпилил из дерева хлебницу, которую преподнес матери ко дню рождения. Мария Александровна с этим дорогим подарком не расставалась всю жизнь. И сейчас эта хлебница лежит на комоде в ее комнате в Доме-музее В. И. Ленина в Ульяновске.

Особенный талант к рисованию оказался у Ольги. Сохранены ее рисунки. На одном из них — Волга, ее высокий берег. На другом — большое дерево, нарисованное тончайшими штрихами; слева от него — большой камень, на некотором расстоянии — два маленьких, неуклюжих деревца. А вот нарисовано спелое яблоко (чувствуешь, что оно именно спелое), веточка с четырьмя листьями, один из них перевернут. Удивительно тонко отработаны детали и оттенки. В этих рисунках ярко проявился характер Ольги, с его настойчивостью, требовательностью к себе. Раз уж взялась рисовать — надо выполнить все тщательно, выразительно, по возможности мастерски.

С такой же тщательностью трудился Саша над оформлением обложки журнала «Субботник». Ведь он был одновременно и главным редактором и художником! Карикатуры и дружеские шаржи на Олю и Володю Саша тоже рисовал сам.

Серьезное внимание обращалось в семье Ульяновых и на физическое воспитание детей. Мария Александровна в детстве получила хорошую физическую закалку: отец-врач требовал от дочерей регулярных занятий физкультурой, разработал собственную «методу» закаливания организма: все дочери делали по утрам холодное обтирание и круглый год ходили в ситцевых платьях с короткими рукавами и открытой шеей. До поздних лет Мария Александровна выполняла по утрам физические упражнения, совершала дальние прогулки, купалась.

Д. И. Писарев утверждал, что ребенок для укрепления своего организма должен делать как можно больше движений. Он высмеивал родителей, которые радуются, глядя на питомца, когда тот «не шумит, не

кричит, не топочет ногами по комнате, а сидит себе за каким-нибудь благонравным занятием, вроде рассматривания картинок или рисования разных каракулек» [1].

Ульяновы давали полный простор развитию физической энергии детей. Гимнастика и закаливание были в семье обязательными.

Летом в Кокушкине дети ходили к реке купаться перед сном даже в дождь, в теплые ночи вытаскивали на террасу матрацы и спали на них.

Все дети Ульяновых очень рано начали учиться плавать. Это всячески поощрялось родителями, которые сами купались в любую погоду.

Николай Иванович Веретенников пишет: «Я помню, как и Володя, и я, и еще один из сверстников в одно лето научились плавать. Вообще в семь-восемь лет каждый из ребятишек переплывал неширокую реку, а если без отдыха на другом берегу мог и назад вернуться, то считался умеющим плавать. Когда маленький пловец переплывал речку в первый раз, его всегда сопровождал кто-либо из более старших.

Но курс плавания на этом не кончался — мы совершенствовались беспредельно: надо было научиться лежать на спине неподвижно; прыгать с разбегу вниз головой; нырнув, доставать со дна комочек тины; спрыгивать в воду с крыши купальни; переплывать реку, держа в одной руке носки или сапоги, не замочив их; проплывать без отдыха до впадения ручья, прозванного нами Приток Зеленых Роз (так как там росли болотные растения, напоминающие по форме розы), или даже до моста у соседней деревни Черемышево-Апокаево, а это уже близко к километру».

Далее Н. И. Веретенников рассказывает, как ребятишки выдумывали разные смелые затеи на реке. Спустили на воду старую, уже прогнившую, лодку, приделали к ней колеса, сами смастерили вал с лопатками, приладили его и поехали по реке: один правил, другой вертел колесо, а третий вычерпывал воду.

Однажды решили поехать на этой прогнившей и потрескавшейся лодке большой компанией. Понимали, что лодка может не выдержать.

[1] *Д. И. Писарев.* Полн. собр. соч. в 6 томах, т. 4, стр. 570.

— Так что же? Тем лучше, тем интереснее: посмотрим, как мы сумеем спасаться! — воскликнул Володя.

Так и случилось. Несмотря на то, что воду вычерпывали в два ковша, лодка вскоре пошла ко дну. Ребята спасались сами, спасали вещи, ныряли за ними. Долго искали один утонувший сапог, но вместо него вытаскивали то тину, то коряги. Потеряв надежду на успех, ребята решили отступить, и только один Володя продолжал нырять и наконец вытащил сапог, к великой радости его хозяина.

Так приобреталась физическая закалка, так воспитывались воля, решительность, «чувство локтя» по отношению к товарищам. Может быть, именно поэтому родители предоставляли детям свободу в придумывании таких рискованных забав.

В большом почете у Ульяновых был и зимний спорт.

Дмитрий Ильич Ульянов писал:

«Каждый день после обеда мы уходили... с Володей кататься на коньках. Иногда нас сопровождали сестры, Оля также каталась на коньках, а маленькую Маню мы катали по катку в кресле. На нашем дворе также была ледяная гора с длинным ледяным раскатом — дорожкой. Гору мы делали сами около садового забора, рядом с колодцем, а раскат доводили до самого дома. В морозные вечера ходили с Володей качать воду из колодца и поливали гору и раскат. У Володи были настоящие железные санки для катания с гор, на них можно было кататься лежа и управлять руками. На деревянных санках катались с горы всей гурьбой, вываливаясь обычно в сугроб. Крика и смеху было немало»...

Анна Ильинична рассказывала, как с отчаянной смелостью ее братья сгибаются «сперва в три погибели на верхней, самой крутой части горы, потом постепенно расправляются и долго-долго катятся по раскату уже во весь рост. Я только с завистью поглядывала на них, а подражать им не решалась».

Родители приобретали детям игры, развивающие меткость и ловкость. Дети и сами придумывали такие игры. Так, например, Володя обычно привозил в Кокушкино целый мешок раскрашенных в разные цвета бабок и металлические плиточки, в которые он играл с крестьянскими ребятами.

Дети клеили змеев величиной с дверь, с мочальными хвостами, и, пуская их, много бегали. Они катались на гигантских шагах, играли в лапту, в пятнашки, «черную палочку», в бабки, крокет, в биллиард и городки.

Отец и мать Ульяновы поощряли различные виды спортивных увлечений детей: рыбную ловлю, охоту, греблю, учили детей активно отдыхать с пользой для здоровья. И сами в этом отношении были великолепным примером. В семье никогда не играли в бесконечный преферанс и вообще в карты или в «кости», как это было принято в других домах Симбирска, не засиживались по-волжски часами за самоваром, обливаясь потом, не приглашали слишком часто знакомых. Мария Александровна была свободна от привычки заниматься с соседками пересудами и разговорами по пустякам. Часы ее досуга — это, преимущественно, длительные прогулки, купанье, катанье на санках, игры с детьми на воздухе. И дети, если они не делали уроков, не читали, обычно были в движении. Даже дискуссии, обсуждения, задушевные разговоры велись чаще всего во время прогулок по полям, по откосу Волги, при сборе грибов и ягод в лесу.

Владимир Ильич всегда и везде занимался гимнастикой. В Симбирске в каретном сарае был турник, на котором все три брата частенько «крутились». В Кокушкине напротив дома стояла трапеция и к ней — наклонная лестница для гимнастических упражнений, которыми любил заниматься Владимир Ильич. В Алакаевке (там он прожил с 1889 по 1893 год) недалеко от своего рабочего кабинета, в тенистой части сада, Владимир Ильич устроил себе, как он сам называл, «рэк». Дмитрий Ильич рассказывал:

«Это нечто вроде трапеции, только без веревок, круглая, неподвижно укрепленная на двух столбах палка. Владимир Ильич любил в те годы упражняться на рэке; он его устраивал из кленовой, хорошо оструганной палки и укреплял на высоте около сажени, так, чтобы, поднявшись на носки, едва касаться палки концами пальцев. Небольшой прыжок... Хватает палку руками, подтягивается на мускулах, забрасывает ноги вперед и ложится на палку животом. Затем усаживается и приступает к различным упражнениям. Один номер — влезать на рэк не животом, а спиной — долго

ему не давался. Нужно было видеть, с какой настойчивостью он много раз, но безуспешно пытался проделать его! Наконец однажды с торжеством и лукавой улыбкой он говорит мне: «Пойдем на рэк, вчера вечером и сегодня утром я наконец сбалансировал. Гляди!» И трудный номер удается вполне» [1].

Здесь мы видим сознательное стремление натренировать свое тело, развить физические силы, еще больше укрепить здоровье, а вместе с тем это и развитие своей воли.

Владимир Адоратский, студент Казанского университета, ставший после революции видным ученым и директором Института марксизма-ленинизма, вспоминает, что Владимир Ильич рассказывал ему, как он, живя в Самаре, совершал так называемую «кругосветку» — путешествие по Волге в лодке вниз по течению до конца Самарской луки, переправа с лодкой в речонку, которая течет на север, сплав по ней до Волги, принимающей в себя эту речку у начала Жигулей, и возвращение обратно в Самару опять-таки по течению.

Может быть, крепкие нервы, отличное физическое здоровье в какой-то мере и были источником неугасимой жизнерадостности Ульяновых, поразительной их работоспособности, выдержки при тяжелых жизненных потрясениях. Стойкости юных Ульяновых могли позавидовать самые закаленные революционеры. И это была не только сила духа. Вспомним, как Владимир Ильич делал гимнастику и совершал ежедневные «прогулки» в тысячу шагов по тюремной камере. В записках сестрам и младшему брату, которые Владимир Ильич посылал, когда они тоже сидели в тюрьмах, он усиленно рекомендовал следовать его примеру и делать не менее ста «земных поклонов» в день. Физкультура помогала Ульяновым сохранять работоспособность и нормальное физическое самочувствие в условиях одиночного заключения и во время изнурительных допросов.

Физическая культура, серьезное отношение к своему здоровью и умение сочетать напряженнейшую умственную работу с разумным отдыхом сохранились у Ленина навсегда. Друзья восхищались его способно-

[1] *Д. И. Ульянов.* Воспоминания о Владимире Ильиче. Изд. 3-е, доп. М., Политиздат, 1968, стр. 28—29.

стью весело и полнокровно отдыхать, причем почти всегда это был отдых на воздухе. Если поблизости была какая-нибудь река, Владимир Ильич непременно плавал. Если поблизости были лес, сопки, болота — Владимир Ильич, надев высокие охотничьи сапоги, отправлялся бродить с ружьем. В Шушенском они с Надеждой Константиновной и другими ссыльными постоянно ходили в далекие прогулки, частенько катались на лошадях, иногда уезжали за шестьдесят — восемьдесят километров до сибирских деревень, где жили их друзья, такие же, как и они, политические ссыльные. В эмиграции Владимир Ильич увлекался велосипедным спортом. В период жизни в Париже они с Надеждой Константиновной ездили в далекое предместье города на велосипедах, чтобы навестить Поля Лафарга и его жену — дочь Карла Маркса — Лауру.

Мария Александровна и Илья Николаевич Ульяновы относились к физическому воспитанию детей как к очень серьезной педагогической задаче и уделяли ей не меньше внимания, чем учебе детей и их нравственному воспитанию.

Узнать и понять

Ульяновы на редкость внимательно относились к каждому ребенку.

Внимание к детям бывает разное. Иногда это лишь присутствие при детях. Некоторые родители гуляют с детьми, много бывают с ними дома, ходят в кино. Но в то же время они заняты своими мыслями, хозяйственными заботами и очень мало приглядываются к детям. Они, по сути дела, только наблюдают за тем, чтобы их сыновья и дочки вели себя благопристойно.

Внимание к детям у Ульяновых — это проникновение в их внутренний мир, желание понять мотивы их поступков, разобраться в их устремлениях, в особенностях их характера. Мария Александровна, конечно, наблюдала за детьми, и очень зорко. Она даже выбрала для себя весьма неудобную комнату, но зато окно из нее выходило во двор и в сад. Это давало возможность видеть игры и развлечения детей.

Мария Александровна понимала, что между ребятами всегда что-нибудь происходит: они могут бросать

друг другу в лицо сиежки и даже подраться, а в споре наскакивать друг иа друга «петухами». Мать, вероятно, ие раз видела, как кто-то из ребят дразиил — «задирал» девочек, а те давали обидчикам сдачи. Залезали дети и иа деревья и иа крыши надворных построек. Но Мария Александровна редко вмешивалась в отношеиия между детьми: у них своя детская жизнь, свои закоиы. Мать больше всего интересовало, как в этих детских отиошениях, в поведении детей проявлялись их положительные и отрицательиые качества, их иитересы, наклоииости, организаторские способиости. Вот что было самое важное. И, пожалуй, именно это помогало матери находить «ключик» к сердцу каждого из детей, незаметио руководить их развитием и вести их в том иаправлеиии, которое они с Ильей Николаевичем считали нужиым.

Она никогда ие жаловалась иа детей мужу, ие требовала, чтобы он принял какие-то меры. Это отравляло бы радость встреч детей с Ильей Николаевичем после его возвращеиия из поездок по губернии, отчуждало бы детей от него, иарушало бы теплоту их отношений. Коиечио, это ие значит, что Мария Александровна, как говорят, «покрывала» детей. У иее с Ильей Николаевичем была такая дружба, что, коиечно, он знал все.

Но для родителей самым существеииым было не то, что дети в чем-то не послушались, набедокурили, а то, что проявилось в этом: иечуткость или горячиость, разболтаиность или шаловливость, иелепое упрямство или сила характера? Родители прежде всего старались разобраться в сути и мотивах поступков.

Мария Ильииична пишет, что мать терпеливо боролась с иедостатками детей. Надо думать, что Мария Александровиа не раз обсуждала их с мужем. Но это были ие жалобы с целью вызвать гнев отца, а желание общими силами во всем разобраться, посоветоваться, как в будущем поступить, если иеправильиое поведеиие детей повторится.

Обсуждались и достоииства детей. Мария Александровиа слишком любила мужа, чтобы ие порадовать его рассказами обо всем добром, хорошем, что она отметила в детях за время его отсутствия. Это тоже помогало лучше узиать детей, поиять теидеиции умственного и нравственного развития каждого из них.

Обычно, когда семья собиралась за столом, дети все рассказывали о себе. Родители всегда с нетерпением ждали, скажут дети о своих проступках и неудачах или скроют. А может быть, просто забудут рассказать? И в том, и в другом, и в третьем случаях опять-таки характер каждого ребенка становился яснее. Не побоялся и рассказал. Или — не рассказал, потому что духу не хватило. Или — о своей выходке забыл, не придал ей значения, а она серьезная и досадная. Все это очень важно для родителей, которые постоянно стремятся узнавать внутренний мир ребенка. А ребенок все время меняется, в нем непрерывно возникает что-то новое, он растет, мужает, обогащается новыми чувствами и мыслями.

Однажды маленький Володя сломал линейку, которую только что подарили старшей сестре, и тотчас сам ей сказал об этом, причем даже продемонстрировал, как он ломал линейку о коленку. Аня была раздосадована поступком брата, но мать обратила ее внимание на самое существенное. «Хорошо, что он не делает ничего исподтишка»,— сказала Мария Александровна. И этим все кончилось.

Второй случай был с графином. Он широко известен. Но хотелось бы обратить внимание на очень своеобразную позицию матери. Она, конечно, догадывалась, что графин в доме тети Ани разбил восьмилетний Володя. И ей было горько, что сын не сознался в этом. Причину этого Мария Александровна понимала — он испугался сказать правду мало знакомой тете в чужом доме. И когда на вопрос тети Ани «Кто разбил графин?» все дети закричали: «Не я!», Володя тоже крикнул: «Не я!» Все осложнилось. Теперь ему предстояло сделать двойное признание: и в том, что разбил графин, и в том, что сказал неправду. Проще всего было Володю уличить и наказать. И тогда бы, как говорится, вина — «с плеч долой». Но для Марии Александровны было важно знать, переживает ли сын свой проступок, стыдится ли своей неискренности? И она сделала вид, что поверила ему. Ей хотелось понять, как идет нравственное становление сына, помочь развитию его совести.

Это не просто. Воспитание совести иногда происходит очень медленно, потому что родители порой торопливы, бестактны: ребенок еще не успеет осмыс-

лить и пережить неприглядность своего поступка, не успеет еще по-настоящему заговорить его совесть, а родители уже наказывают его. И порой случается, что нахлынувшие новые чувства вытесняют так и не развившееся чувство стыда.

У Марии Александровны хватило выдержки и терпения, чтобы три месяца молчать и ждать. Материнское чутье ей подсказывало, что Володю терзает совесть. Мать, конечно, жалела его, но решила быть стойкой. Надо было дать время для того, чтобы чувство совести как можно больше активизировалось. И Мария Александровна продолжала молчать, втайне наблюдая за сыном. Ее расчет оказался верным.

В минуту, когда она однажды перед сном подошла к мальчику, приласкала его, он вдруг расплакался: «Я тетю Аню обманул: я сказал, что не я разбил графин, а ведь это я его разбил».

Мать утешила мальчика, сказав, что напишет тете Ане и она, наверное, простит его.

Маленький Володя едва ли мог понять, почему так светло улыбается мать. А ей было радостно, что в нравственной борьбе внутренних мотивов, которая происходила в сыне, победило хорошее, честное. Оказалось, что у него есть и мужество, и совесть.

Для Марии Александровны это было особенно важно, потому что случаю с графином предшествовало еще одно маленькое событие. Она чистила яблоки. Володя захотел съесть кожуру, но ему было сказано, что этого делать не следует, кожуру не едят. Может заболеть желудок. Потом мать чем-то отвлеклась, а когда вернулась к своей работе, Володи в кухне не оказалось. Она заглянула в сад и увидела, как он уплетает кожуру от яблок. Мария Александровна так пристыдила его, что он плакал и обещал больше никогда ничего не делать скрытно. Но вот он скрыл, что разбил графин... И теперь, когда Мария Александровна услышала чистосердечное признание сына, она, конечно, была очень довольна.

Мария Александровна и Илья Николаевич охотно шли навстречу желаниям детей. Каждое желание тоже в какой-то степени выявляет существо интересов и характера ребенка. А дело, выполняемое им по своему желанию, обычно особенно захватывает, вызывает прилив энергии и радости. Выполнять неразум-

ные желания и капризы детей вредно, а идти навстречу их хорошим желаниям — прекрасно. Ульяновы придерживались именно этого правила. Володя любил русский обычай весной выпускать на волю птиц. Мать охотно давала ему на это деньги, находя такое занятие интересным и полезным для сына: забота о птицах, наблюдения за их жизнью дадут ему многое. Купленных птичек Володя сначала держал дома, ухаживал за ними: поил, кормил, чистил клетки, с удовольствием слушал их пение. А весной выпускал. Анна Ильинична писала: «В клетке у него был как-то, помню, реполов. Не знаю, поймал он его, купил или кто-нибудь подарил ему, помню только, что жил реполов недолго, стал скучен, нахохлился и умер. Не знаю уж, отчего это случилось: был ли Володя виноват в том, что забывал кормить птичку, или нет... помню серьезное, сосредоточенное выражение, с которым он поглядел на мертвого реполова, а потом сказал решительно: «Никогда больше не буду птиц в клетке держать».
И больше он действительно не держал их».

Несмотря на то, что Мария Александровна считала это занятие очень полезным для мальчика, она не стала настаивать на новой попытке заняться птицами, потому что понимала, какое тяжкое впечатление произвела на Володю смерть реполова. Может быть, он действительно чувствовал свою вину в этом. Нельзя было допускать травмы, и Мария Александровна предпочла переключить внимание и интересы Володи на другие дела.

Все, что известно о Марии Александровне и Илье Николаевиче Ульяновых из различных документов и воспоминаний, создает твердое убеждение, что сила их таланта как воспитателей заключалась в очень хорошем знании и понимании детей, в улавливании малейшего движения их души.

Володя отдал одному из беднейших одноклассников свои брюки. Это, конечно, нанесло материальный ущерб семье, но мать увидела в этом прежде всего доброту: ведь очень важно, чтобы сын не вырос эгоистом. По той же причине Мария Александровна не обижалась на него за то, что завтраки, которые она аккуратно укладывала в ранец сына, тот часто отдавал ребятам, жившим в пансионе.

Одноклассник Володи Василий Друри вспоминает:

«Я жил в пансионе при гимназии, где, конечно, и кормили нас крайне слабо; Владимир же Ильич жил у своих родителей и, приходя в класс, приносил с собой что-либо на завтрак. Вот этот-то самый завтрак он сам почти не ел, а отдавал нам, полуголодным пансионерам. Вообще он не только делился куском хлеба и завтраками с другими учениками, но даже часто отдавал и свои ученические принадлежности, как-то: тетради, карандаши и перья, оставаясь сам без них, за что даже частенько подвергался строгим замечаниям со стороны гимназического инспектора Ивана Яковлевича Христофорова».

Оля нередко, отложив свои уроки, бежала к больной подруге, чтобы объяснить ей, что задали, и помочь решить задачи.

Одноклассники Володи рассказывают, что он постоянно защищал гимназистов из младших классов, которых обижали старшие. Ему порой и самому доставалось от озорников. Матери бывало жаль сына, но что делать, главное — он не трус и любит справедливость.

Невольно приходит в голову мысль: а знают ли современные родители обо всех хороших поступках, которые совершают дети в школе? Ведь наверняка у них проявляется и доброта, и чуткость, и смелость, борются они и с ленью, неискренностью, отстаивают справедливость, может быть, даже порой страдая за это. Одобрение и моральная поддержка родителей могут подтолкнуть дальнейшее развитие этих прекрасных качеств. Недостатки лучше всего преодолеваются при помощи развития в ребенке всего положительного.

Дети Ульяновых были разными по своему характеру. Саша и Аня росли спокойными, послушными. Они были по-детски подвижными, но их никак нельзя было назвать шаловливыми. А маленький Володя был кипучим, много шалил, частенько ходил «колесом». Оля была такой же живой, как Володя. Г. Назарьева, которая много бывала в доме Ульяновых, рассказывает в своих воспоминаниях, хранящихся в фондах Дома-музея В. И. Ленина в Ульяновске:

«Целый день можно было слышать, как Ольга пела, прыгала на одной ножке, вертелась или играла с Володей, который, мне кажется, больше всех доставлял хлопот матери и старшей сестре».

Совсем разными они были и в более старшем возрасте. Марию почти всегда переполняла искристая жизнерадостность, ее называли хохотушкой, Анна была мечтательной, Александр — серьезным, сосредоточенным. Словом, сколько детей — столько характеров, столько индивидуальностей. И каждый требовал своего подхода. Воспитание в семье Ульяновых протекало так, что каждый из детей оставался самим собой. Все интересное, особенное, что обозначалось у любого из детей, поддерживалось, развивалось родителями. Затормаживалось только плохое, причем всегда щадилось самолюбие и человеческое достоинство детей.

Ульяновы пристально наблюдали, как проявляет себя каждый из детей в играх, в труде, во взаимоотношениях с младшими и старшими братьями и сестрами, а также с товарищами и подругами, которые постоянно бывали у них дома.

Разве, например, не отрадно было заметить, что при игре в шахматы Володя не любил легких партий и, когда обыгрывал слабого игрока, заявлял: «Это не я выиграл, а ты проиграл».

А Митя, наоборот, больше всего любил играть с отцом, потому что тот снисходительно разрешал брать ходы обратно. Пусть это маленькая деталь, но она свидетельствовала о разных характерах братьев, а, следовательно, перед родителями стояли разные педагогические задачи.

Особенно сложный характер был у Саши. Он отличался замкнутостью (в этом отношении они были сходны с Аней), любил уединенные серьезные занятия. Застенчивый и малоразговорчивый, Саша с детства обо всем имел свое собственное, самостоятельное и порой очень самобытное мнение. Для него была характерна постоянная серьезная сосредоточенность. В. А. Калашников, первый учитель Володи, вспоминает, что «несмотря на его (Саши.— *И. П.*) молочно-бледное лицо, тихий голос, спокойные движения, в его больших черных глазах светилась такая внутренняя могучая сила, которая для достижения намеченной цели могла, кажется, преодолеть всякие препятствия».

Все это ценилось родителями, но для них было ясно, что Саше полезно чаще «встряхиваться», участвовать в общих развлечениях, веселиться, радо-

ваться. Сашу втягивали в коллективные игры, занятия, в общие прогулки, шутливые разговоры. И он так же серьезно, как отдавался занятиям, включался в игры, ребячью беготню, прогулки. Анна Ильинична писала: «Помню, как мы взлетали с ним, распевая что-нибудь из Некрасова, на подгнивших качелях, с каким жаром играл он в крокет, бегал на гигантских шагах, увлекался плаваньем, лодкой. За шахматами он мог также забываться...» Умственным занятиям Саши это не вредило, а развитие его становилось более разносторонним.

Очень помогали родителям лучше узнать и понять детей ребячьи споры. В семье Ульяновых это чаще всего были литературные споры. Саша в детстве очень любил А. С. Пушкина, а Аня предпочитала М. Ю. Лермонтова. Спорили они много и горячо. Каждый доказывал преимущества таланта своего любимого поэта. В двенадцать-тринадцать лет Аня и Саша прочли «Войну и мир» Л. Толстого. Саша отнёсся отрицательно к Андрею Болконскому и Пьеру Безухову. Его пленил Долохов. И дети горячо отстаивали свои идеалы.

А сколько было горячих споров, когда уже в последних классах гимназии начали читать и перечитывать Д. И. Писарева, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова!

Отрочество и юность — это возраст споров и поисков истины. И в этих спорах выявляются устремления, вкусы, идеалы, сомнения. Это особенно благоприятное время для узнавания и понимания детей. У Ульяновых споры и обсуждения велись и за столом и во время коллективного чтения классических литературных произведений. Володя очень любил спорить, тем самым он как бы вырабатывал и укреплял свою точку зрения. Один из его одноклассников рассказывал, что однажды Володя завел с ним спор на религиозно-философские темы и буквально ошеломил своей критикой общепризнанных истин. Смущенный одноклассник молчал, а Володе наскучило молчание, и он прекратил спор, так как любил активный обмен мнениями.

Илья Николаевич и Мария Александровна, уважительно относясь к достоинству детей, разрешали им участвовать в разговорах старших и даже вступать

с ними в дискуссии. В Доме-музее В. И Ленина в Ульяновске находится любопытное письмо В. В. Кашкадамовой, близкого друга семьи, в котором она, описывая свое первое знакомство с Володей Ульяновым, рассказывает, как менялось выражение его лица, когда старшие затевали какой-то серьезный разговор. По его коротким замечаниям: «Гм, ну да!», «Почему?» — видно было, что он близко к сердцу принимал то, о чем говорили старшие. Когда речь заходила о какой-нибудь несправедливости, то не только лицо, а вся фигура его выражала негодование.

Илья Николаевич иногда просто усмехался, продолжая разговор, иногда приостанавливался, возражая Володе, но тот не всегда соглашался, а, вступая порою в спор с отцом, горячо отстаивал свое мнение. Тогда Илья Николаевич тоже серьезно объяснял Володе непонятое им, внимательно приглядываясь к сыну.

Уважение к детям тоже было одним из важнейших принципов воспитания в семье Ульяновых. Это положительно влияло на развитие личности ребенка, вселяло в него веру в свои возможности, помогало самовыражению.

Когда к детям относятся с подлинным уважением, в частности позволяют им в соответствующем возрасте участвовать в серьезных разговорах старших и вести дискуссию, это, естественно, заставляет детей думать, у них вырабатывается умение логически мыслить, доказывать, обосновывать, бороться за свою точку зрения. А старшим это помогает лучше узнать и понять детей.

Особенно пристально родители Ульяновы следили за возникновением и развитием у детей творческих способностей.

В семье Ульяновых было так: интересуешься каким-то видом искусства или науки, значит, можешь развить свои способности в этом направлении, борись, старайся, трудись — и достигнешь многого непременно.

Когда по инициативе Саши в семье стали издавать рукописный журнал «Субботник», родители сумели поддержать ребят, углубить их интерес к нему. Журнал делали со всеми отделами и рубриками, какие бывают в настоящих печатных изданиях.

Организация журнала была очень простой, материал не переписывался, не редактировался, а просто складывался в папку. И так, вероятно, было лучше, потому что каждый оставался в творчестве самим собой без всяких «приглаживаний» и шлифовок редактора.

Все, что было связано с журналом «Субботник», помогало родителям еще больше узнать детей, получить новое представление об их способностях, видеть, как они взрослеют, как развивается их сознание. Обсуждение статей, рассказов и стихов, реакция на шаржи, шутки и серьезную критику, разгадывание шарад и ребусов на животрепещущие темы жизни семьи выявляли нравственную сущность детей, их характеры.

То, что супруги Ульяновы очень внимательно присматривались к детям, старались разобраться в их способностях и возможностях, показывает рассуждение Ильи Николаевича по поводу разных темпераментов сыновей и дочерей. «Помню,— писала Анна Ильинична,— что он (отец.— *И. П.*) говорил как-то, что у брата Володи темперамент холерический, у Оли — сангвинический, а у меня меланхолический» [1].

В. Кашкадамова писала:

«Илья Николаевич любил разделять своих детей на пары. В каждой паре было по мальчику и девочке.

— Плохих детей у меня нет,— говорил Илья Николаевич,— но все-таки каждая пара совершенно отличается от других пар.

— Первая пара — Александр и Анна, люди способные и талантливые, и из них в будущем выйдет большой толк. Вторая пара — Владимир и Ольга, самая любимая, эти, пожалуй, будут получше старших и пойдут еще дальше. Третья пара — Дмитрий и Мария — народ тоже довольно способный, но сказать про них ничего еще нельзя» [2].

---

[1] *А. Иванский.* Молодой Ленин, стр 110.
[2] Там же, стр. 111.

МЕТОДЫ ВОСПИТАНИЯ И САМОВОСПИТАНИЕ

Самодисциплина

Усилия родителей Ульяновых были направлены на развитие у детей способностей к самодисциплине, самообразованию, самоусовершенствованию. Им внушалось, что они достигнут многого, если сами того захотят.

Все дети Ульяновых с большим рвением учились, много работали, читали, занимались физическим трудом, упражнялись в различных видах спорта, закаляли свой характер. И всем им была свойственна самодисциплина. Но этому обычно предшествует воспитание у человека дисциплины. Оно начиналось в семье Ульяновых, когда дети были еще маленькими.

В доме всякое случалось. Дети были как дети. Шаловливостью и резвостью особенно отличались Володя, Оля и Митя. Анна Ильинична рассказывает, как однажды Саша разложил на ковре театральные афишки, которые он собирал. Вдруг в комнату влетел маленький Володя. Он начал топтать афиши и некоторые изорвал. Мария Александровна поскорее увела сына.

Бывало, что малыши без разрешения убегали из дому. Как-то Володя вышел на улицу и уселся посреди дороги. На него налетела лошадь, он остался жив только благодаря счастливой случайности.

Иногда детишки дразнили друг друга, мешали один другому заниматься.

Как же родителям удалось, не подавляя самостоятельности и инициативы детей, воспитать у них дисциплинированность и высокую требовательность к себе?

Прежде всего следует сказать, что в семье Ульяновых совершенно были исключены физические наказания. Илья Николаевич всегда восхищался выдающимся русским педагогом и врачом Н. И. Пироговым и был с ним согласен в том, что «розга — слишком

грубый и насильственный инструмент для возбуждения стыда. А чувство стыда — это такой нежный, оранжерейный цветок, который разом завянет, когда побывает в грубых руках. Розга вселяет страх,— это правда, но не исправительный, не надежный, а прикрывающий только внутреннюю порчу. Она исправляет только слабодушного, которого исправили бы и другие средства, менее опасные...» [1].

Правда, сам Н. И. Пирогов был не до конца последовательным, допуская угрозу розгой. Илья Николаевич и с этим был несогласен. Никаких угроз физическими наказаниями! Никаких размахиваний розгами! Он категорически отрицал воздействие на детей страхом и болью, призывал проникать в душу ребенка, влиять на его сознание, подбирать ключ к его сердцу.

В самом деле, почему многие воспитатели пользуются физическими наказаниями, этим варварским средством дикарей и педагогических невежд? Только ли вследствие консерватизма («Дед бил отца, меня бил отец, и я буду бить сына — так ведется испокон веков»)? Нет ли здесь их собственной беспомощности или лени? Чтобы воздействовать на ребенка, надо анализировать поступки и причины, их вызывающие. Воспитателю, педагогу или родителям надо себя так поставить, чтобы ребенок охотно выполнял их требования, признавал их авторитет. Все это требует от воспитателей немалого напряжения, умения проникать в жизнь детей и самим быть для них примером. А это не просто и не легко. Куда проще и легче наказать ребенка. Неважно, что нарушается внутренний контакт с ребенком, подавляется развитие его энергии, самостоятельности. Главное — чтобы дети не причиняли беспокойства и огорчений.

Супруги Ульяновы не хотели да и не могли быть такими воспитателями.

А применялись ли в семье Ульяновых вообще какие-либо наказания? Да. Если кто-то из малышей чересчур шалил и вообще совершал недозволенное, его отводили в кабинет отца, сажали в большое кожаное кресло, которое дети называли «черное кресло», и он должен был там некоторое время посидеть

[1] *Н. И. Пирогов*. Избранные педагогические сочинения. М., Изд. Акад. пед. наук РСФСР, 1953, стр. 109.

и поразмыслить над своим поведением. Иногда провинившемуся объявлялся выговор, который тоже был нелегким моральным наказанием. Такой выговор — сильное наказание и одновременно воспитание совести.

В тихие вечерние часы, когда все чем-нибудь занимались, а Володя вдруг начинал шуметь и всем мешать — отец забирал мальчика к себе в кабинет и заставлял смирно сидеть возле него. Такое наказание для живого, подвижного Володи, надо думать, также было нелегким.

В воспоминаниях родных и друзей Ульяновых никаких упоминаний о других видах наказаний нет.

Вообще наказания в воспитательной системе Ульяновых занимали очень незначительное место. По отношению к маленьким вместо наказания чаще всего прибегали к простому и распространенному педагогическому средству — отвлечению. Во многих воспоминаниях рассказывается, что мать уводила расшалившихся детей в столовую, садилась за рояль и начинала петь с ними детские песенки или все вместе начинали игру, а иной раз мать просто выпроваживала детей в сад.

Но главное, что помогало родителям воспитывать детей дисциплинированными,— это строгая, последовательная и неотступная требовательность. Об Илье Николаевиче, как об инспекторе, говорили, что он был очень строг и требователен, но одновременно деликатен и чуток. И. Н. Ульянов решительно настаивал на выполнении своих указаний, но всегда прекрасно владел собой: никогда не повышал голоса, если сталкивался с нерадивостью учителей или разболтанностью учеников. Он всегда старался воздействовать на сознание, вызвать осмысленное и твердое желание изменить себя к лучшему и вместе с тем терпеливо развивал у своих коллег и учеников чувство ответственности. Таким же Илья Николаевич был и в семье. Что бы ни натворили дети, никогда не допускались резкие окрики, обидные упреки и тем более ругань.

Н. Г. Чернышевский писал: «Ребенок, который переносит меньше оскорблений, вырастает человеком, более сознающим свое достоинство» [1]. Эта мысль была очень созвучна собственным убеждениям Ильи Ни-

[1] *Н. Г. Чернышевский.* Полн. собр. соч. в 15 томах, т. 9. М., Гослитиздат, 1949, стр. 628.

колаевича и Марии Александровны Ульяновых. Какой бы гнев ни вызывали у них капризы детей, они всегда умели сдержать себя, найти разумные средства воздействия на них и настоять на своих требованиях.

Воспитанию дисциплины способствовала хорошо продуманная организация жизни семьи. Анна Ильинична писала, что талант организатора Владимир Ильич унаследовал от матери.

В семье у детей с раннего детства были абсолютно точно определены часы питания, сна, занятий, игр, у них постепенно вырабатывалась привычка соблюдать режим, а с годами эта привычка становилась естественной нормой поведения. Единственной уважительной причиной опоздания, например к обеду, считалось самозабвенное увлечение каким-то серьезным занятием, а для маленьких — игрой. В этих случаях за опоздавшим кого-нибудь посылали и принимали от него извинения без всяких замечаний.

Анна Ильинична очень точно описала режим дня Владимира Ильича в детстве. Он всегда вставал ровно в семь часов и тотчас одевался, не позволяя себе валяться в постели. Быстро чистил зубы, умывался, обтирался до пояса, непременно убирал за собой постель и садился за повторение уроков. Затем вместе со всеми завтракал и ел все, что было подано. Оставлять на тарелках не полагалось. Затем Володя укладывал в ранец приготовленный матерью завтрак, десять минут ждал за столом, пока остынет горло после горячего чая. Ровно десять минут девятого (занятия в гимназии начинались в восемь часов тридцать минут) вставал, прощался с матерью и отцом, быстро одевался, застегиваясь по форме на все пуговицы, и уходил.

Придя домой из школы, он час-два гулял во дворе: играл в лапту, в салочки, в казаки-разбойники.

— К обеду мы собирались все вместе,— вспоминала Анна Ильинична,— и очень весело обедали, рассказывая все, что было днем. Мать и отец с терпеливым вниманием выслушивали все наши детские суждения и принимали близкое участие во всех наших делах... После обеда он (Володя.— *И. П.*) сейчас же садился за уроки и с большим вниманием и старанием исполнял их... После приготовления уроков он с увлечением играл с сестрой Олей. Потом мы все пили

чай; ужинали ровно в 8 часов вечера, а в восемь с половиной Володя шел умываться перед сном и, со всеми простившись, быстро ложился спать и засыпал немедленно[1].

Этот режим для Володи, так же как для других детей Ульяновых, был установлен родителями, которые строго требовали его исполнения.

В доме были заведены так называемые «тихие часы», когда все одновременно работали или читали: и родители, и дети, включая самых младших. Нарушать тишину в эти часы не позволялось. Дмитрий Ильич в одной из своих статей рассказывал:

«Не могу не вспомнить вечер в нашем доме в детстве, когда мне было пять — семь лет. Везде и на всем лежит отпечаток рабочей обстановки. Отец сидит за работой в своем кабинете. Наверху в антресолях, каждый у себя в комнате, сидят за книгами братья Саша и Володя. Внизу в столовой, за большим столом, сидит за шитьем или другой работой мать. Тут же около нее, с книгами и тетрадями, сидят сестры Аня и Оля, здесь же и мы, меньшие (Митя и Маня), тихо чем-нибудь занимаемся. Шуметь и мешать старшим строго запрещается. Бывало, только кто-нибудь из нас запищит или Володя, кончив занятия, сбежит вниз и начнется шум, сейчас же является отец и строго говорит: «Что это за шум? Чтобы я больше этого не слыхал!» — и все опять стихнет. В крайнем случае, отец берет провинившегося к себе в кабинет и усаживает при себе за какую-нибудь работу. Порядок, в общем, был строгий»[2].

Такие «тихие часы» вырабатывали у детей привычку к самодисциплине, к уважению других членов семьи, к самообладанию.

Инициатива детей никогда не подавлялась. Но с раннего детства они точно знали, что можно и что нельзя. И тут в семье существовали три незыблемых правила. Первое — если чего-то нельзя, то нельзя, отступлений не допускалось. Маленькая Оля плакала, протестовала, когда ее посылали спать, уверяла, что все равно никогда не спит, а только лежит с закрыты-

[1] *В. Д. Бонч-Бруевич.* В семье Ульяновых.— «Семья и школа», 1946, № 10—11, стр. 8—9, 10.

[2] *Д. И. Ульянов.* Воспоминания о Владимире Ильиче. Изд. 3-е, доп., стр. 14.

ми глазамн. Но иикакие слезы и протесты не помогали. Спать приходнлось ложиться вовремя.

Второе — дети должиы былн понимать, почему иельзя. Так, ие разрешалось вертеть швейиую машииу, потому что оиа может сломаться и мама не сможет сшить нужиые всем вещи. Нельзя бегать перед тем, как выходить в морозиый день иа улицу, потому что можио простудиться.

И третье — заведеннный порядок соблюдали в однпаковой степенн н старшие н младшие. Никто нз членов семьн ие разбрасывал иа столе книг, журиалов, письмеииых принадлежиостей, иикто ие позволял себе без предупреждеиия где-то задержаться и т. д.

Родители строго следилн, чтобы детн не проводили время в праздностн, чтобы их досуг был всегда заполнен разиообразиыми заиятиями. Ведь больше всего нарушений дисциплииы происходит, когда детн ие знают, куда девать излишки своей бурной энергии. В этом отиошеини очеиь миого значило доверие отца и матери Ульяиовых к иииициативе, силам детей. На первый взгляд могло показаться, что они предоставляли детям чрезмериую свободу. Но в этом был большой педагогнческий смысл. Мальчикн в каиикуляриое время по нескольку раз в деиь купались, миого гуляли, лазалн по деревьям, по многу часов ие уходили с чердака, где происходила игра в иидейцев. Иногда детн, играя дома в салки, жмуркн, догонялкн, прятки, гремели стульями, громко спорили, кричали, визг и хохот оглашалн весь дом. И еслн в это время дома инкто не заиимался, ие отдыхал, детей ие остаиавливалн. Ведь это ие только полезиые для физического развития детей двнжеиия, ие только удовольствие, игра, развлечеиие, ио и выход эиергин. В ответ на вопросы: «Можно ли поиграть?», «Можио ли побегать?» — дети чаще всего получали согласие. Родителн очеиь мудро учитывали, что для соблюдения в семье дисциплнны большое значенне имеют не только запрещеиня, но и разрешеиия: все можио, что требует детское сердце, возраст, что может поглотить нзлншне буриую энергию ребят, что развивает их иинцнатнву, волю, стремленне проявить себя.

Анна Ильиинчиа пнсала:

«Мать иаша умела поддержнвать днсцнплииу, ннкогда нзлншне не стесняя нас..

Большую роль в этом играла привычка читать. Чтение развивало усидчивость, способность длительно сосредоточиваться. Этому же помогала игра в шахматы и другие настольные игры. Отец начинал учить играть в шахматы сыновей и дочерей с восьми-девяти лет. Вместе со взрослыми дети играли в крокет и биллиард. Требовалось строгое выполнение правил. И детям нравилась эта серьезность в игре. Володя и Оля сами установили дополнительные правила игры в крокет, неукоснительно придерживались их сами и строго следили за другими участниками. Например, они не позволяли долго вести шар молотком, а требовали короткого удара. С такой же строгостью Володя и Саша относились к выполнению правил при игре в биллиард.

Старшие дети помогали матери приучать младших к дисциплине. Мария Александровна рассказывала Анне Ильиничне, что однажды, когда Саша и Володя сидели за шахматами, она напомнила Володе, что он чего-то не выполнил. Володя ответил небрежно и не спешил исполнять. Мать настаивала, но Володя так увлекся шахматами, что не двинулся с места. Сашу это возмутило.

— Володя, или ты сейчас же пойдешь и сделаешь, что мама тебе говорит, или я с тобой больше не играю.

Старший брат сказал это так твердо, что Володя тотчас встал и исполнил требуемое.

А Володя в свою очередь умел благотворно повлиять на Митю, когда тот не желал прекратить игру и на требование няни идти спать отвечал отказом.

Много внимания уделялось в семье воспитанию у детей вежливости, почтительности к старшим, деликатности в обращении и хороших манер. Родители и в этом были для детей подлинным образцом.

В. А. Калашников рассказывал об Илье Николаевиче как руководителе съездов учителей: «Его такт, мягкость, деликатность, сдерживание слишком горячих в прениях с товарищами характеров в каждом из нас оставили воспоминания о съездах, как о счастливых днях...»

Таким же деликатным, терпеливым и добрым был Илья Николаевич и в семье. Он с большим уважением и неизменной почтительностью относился к жене, был очень вежлив с няней Варварой Григорьев-

ной. Уважительно относился он и к детям. Иногда в шутку даже обращался к ним на «Вы». У него не было привычки говорить им, чтобы они не совали нос куда не следует, отец никогда не обрывал их, если они что-то рассказывали путано или длинно, доброжелательно помогал им разобраться в своих проступках. Даже упреки и выговоры делал в деликатной форме.

Что касается Марии Александровны, то она была олицетворением выдержки и обаятельной деликатности. Иногда матери раздражаются и нервничают, если дети шумят, пристают с бесконечными вопросами, требуют к себе внимания, шалят. А Мария Александровна родила восьмерых детей, шестерых вырастила. Сколько приходилось Марии Александровне думать над тем, как распределить средства, особенно после смерти Ильи Николаевича, и время, чтобы все были сыты, одеты, ухожены, чтобы в доме было уютно и чисто, в саду цвели розы, наливались соками фрукты. А бессонные ночи, трепетное волнение за новорожденного, тысячи мелких и больших забот, ведомых лишь женщине, хозяйке дома, матери большой семьи!

И, несмотря на все это,— никакой нервозности, раздраженности, недовольства шалостями детей. Даже чем-то разгневанная, Мария Александровна оставалась корректной, деликатной. В этом ей помогала сильная воля и длительная работа над своим характером.

Вежливость, сдержанность, деликатность, благожелательность — это прежде всего проявление человечности. А хорошие манеры — внешнее выражение этой человечности.

Вот почему Ульяновы терпеливо воспитывали у детей эти качества. Методы были простые: объяснения, показ, постоянные упражнения, напоминание, терпеливая выработка привычек. Родители начинали заботиться о воспитании навыков культурного поведения детей, когда те были еще малышами. Старшие говорили детям: следи за своим тоном в разговоре, не повышай голоса; если твой товарищ неправильно произносит слова, деликатно поправь его, но не допускай, чтобы над ним смеялись; нечаянно огорчил — извинись; у няни плохое настроение, она хмурится — успокой, развесели ее; не забудь пожелать всем спокойной ночи, в том числе и самым маленьким братьям и сестрам.

Дети Ульяновых никогда никому не грубили, никогда не относились к людям пренебрежительно (если, конечно, это не были ничтожества), не обижали людей.

Когда Володя помог бедному крестьянину вытащить увязший в грязи воз, поднял оброненную им рукавицу, уважительно поговорил с ним, а на прощанье крепко пожал руку,— это было не только воспитанной у него вежливостью, но и проявлением уважения к трудовому человеку.

Доброе и предупредительное отношение Саши к малограмотному старику — рассыльному отца, с которым он всегда здоровался и прощался за руку,— безусловно, было выражением человечности.

Дети Ульяновых были воспитаны так, что для них каждый человек был Человеком. Володя с одинаковым почтением разговаривал и со своим учителем, и с грузчиком баржи, и с волжским бурлаком, и с прачкой.

Когда Володя ездил в Кокушкине в ночное или играл в бабки с деревенскими ребятишками, то и с ними он был так же вежлив и предупредителен, как и с двоюродными братьями, потому что иначе не мог, таким его воспитали родители. Вежливость и хорошие манеры были выражением его внутреннего благожелательного отношения к человеку, к сверстникам.

Все, кто знал В. И. Ленина, восхищались его манерами. Он всегда пропускал спутника вперед, извинялся за допущенную оплошность и непременно благодарил даже за мелкие услуги, уступал место старшим и женщинам, целовал руку матери. Причем он никогда не отказывался от этих манер: ни в кругу только что вернувшихся с фронта солдат, ни среди крестьян в лаптях и рваных армяках, ни в кругу рабочих. Владимир Ильич всегда и всюду оставался самим собой. Его предупредительность, чрезвычайная вежливость никогда не отталкивали от него простых людей. Наоборот, к Владимиру Ильичу люди тянулись, охотно делились с ним сокровенными мыслями.

Приучая детей к дисциплине и порядку, Ульяновы чаще всего пользовались поощрением — самым гуманным, самым трудным, но очень эффективным методом формирования личности ребенка. Трудным потому, что

этот метод требует очень умелого пользования им, иначе поощрение превратится в баловство, в захваливание. И тогда вместо дисциплинированности в характере человека появляются самоуверенность и развязность.

Отец и мать Ульяновы никогда не злоупотребляли поощрениями. На первый взгляд даже могло показаться, что они вообще скупы на похвалу. Постоянная требовательность, очень мало восторгов, сдержанное отношение к успехам детей и снова требовательность. Но если глубже всмотреться в опыт семейного воспитания Ульяновых, то буквально поражает, как тонко владели они педагогическим мастерством.

Поощрения в семейном воспитании имеют свои особенности. Это одобрительный взгляд, улыбка, поцелуй, это и совместная игра, и радость, высказанная по поводу успехов, и подарок, и устройство детского праздника, и просто выражение счастья на лице матери. Ничто так не стимулирует инициативу ребенка и не побуждает к усилиям над собой, как поощрение. Острая наблюдательность, постоянное общение с детьми помогали Ульяновым вовремя приободрить детей. Интересная выдумка в игре, в занятиях, проявление упорства в овладении наукой, музыкой, иностранными языками, рукоделием, каждая попытка помочь в уроках младшим сестрам и братьям замечались и поощрялись родителями. Нет сердец более благодарных и щедрых, нежели детские. В ответ на ласку и одобрение они готовы дарить вам все новую и новую радость. Постепенно дети привыкали брать себя в руки, не совершать недозволенного, привыкали делать не только то, что хочется, но и что нужно. Так вырабатывалась самодисциплина.

В придумывании различных поощрений Мария Александровна была очень изобретательной.

«Помню, сколько интереса доставляло мне, когда я была еще совсем маленькой, обучение вязанию и шитью,— рассказывала Мария Ильинична.— Мать подарила мне большой клубок красной шерсти и крючок для вязания. Я принялась за дело и скоро увидала с удивлением, что из-под шерсти торчат какие-то твердые предметы. Постепенно, по мере того как я вязала, из клубка появлялись маленькие игрушки, конфеты и т. п. И я вязала с увлечением, стараясь поскорее

разгадать все тайны, заключавшиеся в этом чудесном клубке» [1].

Оля под руководством матери обучалась музыке. Сначала Мария Александровна задавала ей уроки и просила, чтобы девочка подготовила самостоятельно. Конечно, ей бывало приятно, если Оля выполняла их хорошо. Задания усложнялись, Мария Александровна так рассказывала о содержании музыкальных произведений, о гигантском труде великих композиторов, что девочка начинала увлекаться музыкой и уже пыталась что-то разучить по собственному желанию. Родители, естественно, радовались этому, всячески поощряли ее старательность. К тому же Оля хорошо училась, много читала. И Мария Александровна внушала дочери, что самостоятельность, сильная воля и трудолюбие помогут ей выйти на широкий путь полезной деятельности во имя людей. Такая вера в девочку, поощрение ее упорства помогали ей еще больше совершенствоваться.

И вот уже Володя мечтает стать таким же трудолюбивым, как Оля.

Добрая сила поощрения заключается еще и в том, что оно развивает инициативу, вызывает эмоциональный подъем, помогает развитию целеустремленности. Эта педагогическая мера хороша также тем, что она укрепляет и углубляет внутренний контакт между родителями и детьми, в то время как наказания этот контакт нередко нарушают.

Впрочем, если очень внимательно присмотреться к опыту семейного воспитания родителей Ульяновых, то становится очевидным, что специальные методы воздействия они применяли, главным образом, когда дети были маленькими, и редко, когда дети подрастали. Постоянное общение с детьми, незаметное для них внушение разумного и хорошего, уважительное отношение к личности ребенка и неутомимое развитие их сознания действовали лучше любых специальных педагогических мер.

Родители следовали мудрым советам одного из своих любимых учителей — Н. А. Добролюбова:

«...главное, что должен иметь в виду воспитатель, это уважение к человеческой природе в дитяти, пре-

[1] *М. И. Ульянова.* О Владимире Ильиче Ленине и семье Ульяновых, стр. 281.

доставление ему свободного, нормального развития, старание внушить ему прежде всего и более всего правильные понятия о вещах, живые и твердые убеждения, заставить его действовать сознательно, по уважению к добру и правде, а не из страха и не из корыстных видов похвалы и награды...»[1].

Нам кажется, развитие детей Ульяновых шло именно таким образом. Дети чувствовали, что родители, глубоко интересуясь их жизнью и успехами, уважают их, верят, что они способны сами правильно оценить свое поведение, сумеют, когда нужно, взять себя в руки и поступить так, как этого требуют старшие.

Влияние родителей было очень тонким, осторожным, тактичным, почти не ощутимым для тех, кого воспитывали. Зато дети очень хорошо чувствовали тепло разумной и нежной родительской любви.

Когда-то еще Карл Маркс говорил, что надо не только учить детей, но и учиться у них. Это очень важная мысль, над которой полезно призадуматься всем родителям.

Н. А. Добролюбов в свое время также утверждал, что дети во многих отношениях значительно нравственнее некоторых взрослых. «Они не лгут (пока их не доведут до этого страхом),— писал Н. А. Добролюбов,— они стыдятся всего дурного, они хранят в себе святые чувства любви к людям, свободной от всяких житейских предрассудков. Они сближаются с сверстником, не спрашивая, богат ли он, ровен ли им по происхождению; у них замечена даже особенная наклонность — сближаться с обиженными судьбою... И чувства их всегда выражаются на деле, а не остаются только на языке, как у взрослых; ребенок никогда не съест данного ему яблока без своего брата или сестры, которых он любит; он всегда принесет из гостей гостинцы своей любимой нянюшке; он заплачет, видя слезы матери, из жалости к ней»[2].

Илья Николаевич и Мария Александровна Ульяновы буквально заражались от детей жизнерадостностью, изобретательностью, увлекались вместе с ними играми, чтением, прогулками. Родители и дети были очень близки, дети чувствовали себя со взрослыми не-

---

[1] *Н. А. Добролюбов*. Собр. соч. в 3 томах, т. 1. М., Гослитиздат, 1950, стр. 189.

[2] Там же, стр 188.

принужденно, свободно, не теряли своей живости и детской непосредственности. Но вместе с тем родители настойчиво воспитывали в них серьезность, требовательность к себе, ответственность за свои поступки и привычку к строгому порядку.

Самообразование

Человек никогда не сможет развить свой ум, если не будет систематически обогащать память новыми знаниями. Самообразование — это основной элемент самовоспитания, потому что вместе с накоплением знаний идет нравственное становление и совершенствование личности.

Постоянная жажда знаний — характерная черта всех Ульяновых. Дети, и старшие и младшие, прочитывали одну книгу за другой, старательно учили уроки, собирали разнообразные коллекции, вели наблюдения за явлениями природы, проделывали опыты по химии, физике, естествознанию, то и дело заглядывали в словари и энциклопедии. У них выработалась привычка запоминать, быть внимательными, усидчивыми, заниматься все больше и сосредоточеннее. Такая жажда знаний, разумеется, возникла не стихийно. Ее пробудили родители.

Мария Александровна и Илья Николаевич прежде всего стремились заинтересовать ребят учебой. Маленькие дети учились играя. Обучая детей иностранным языкам, Мария Александровна, например, завела такое правило: в определенные дни дети обращались к матери только по-немецки или по-французски.

Конечно, детям не просто было в течение всего дня разговаривать на иностранном языке. Порой они не могли найти нужного слова или оборота. Иногда Мария Александровна их выручала и что-то подсказывала им, но чаще всего она рекомендовала детям самостоятельно выходить из затруднительного положения и обращаться к словарю.

Привитая в детстве привычка пользоваться словарем помогала Ульяновым в дальнейшем самостоятельно изучать новые иностранные языки.

Овладеть иностранными языками помогала и педагогическая работа. Мария Александровна часто

просила старших детей позаниматься языком с младшими. Оля помогала овладевать английским языком Мите. Володя старательно занимался французским языком с Маняшей. Причем он придумал даже свою «методику» и не заставлял девочку выписывать новые слова, а включал их в различные предложения в устной речи, с тем чтобы они запоминались более осмысленно.

Лучший метод самообразования и развития самостоятельности в изучении иностранного языка — переводческая работа. Мария Александровна сама была в этом отношении примером для своих детей. Она усердно занималась литературными переводами, главным образом с французского. Некоторые из переводов Мария Александровна даже публиковала в журнале «Русское богатство».

Володя, еще будучи гимназистом, вместе со своим одноклассником Кузнецовым пытался переводить с немецкого на русский «Капитал» Карла Маркса.

Анна Ильинична перевела с итальянского на русский язык книгу Э. Амичиса «Школьные товарищи», которая вышла отдельным изданием в России и несколько раз переиздавалась.

Оля перевела рассказы шведского писателя Сигура «Слишком поздно» и «Теща».

Упорная самостоятельная работа над иностранными языками развивала у детей волевые качества, которые помогали им успешно заниматься самообразованием и в области других наук.

Важнейшим условием постоянного самообразования является высокий интерес к знаниям. Отец и мать Ульяновы всячески старались развивать у детей этот интерес и стремление хорошо учиться.

Бывший ученик одной из приходских школ Степан Алексеевич Клюжев рассказывал на страницах «Ульяновской правды», как однажды в торжественный день выпуска к ним пришел Илья Николаевич Ульянов вместе со своим сыном Володей, который тогда обучался в четвертом классе гимназии. Илья Николаевич собственноручно вручил Степану Клюжеву похвальный лист за успехи и прилежание. В этой грамоте значилось:

«Симбирское 3-е мужское приходское училище, уважая отличные успехи, прилежание и похвальное

поведение ученика Клюжева Степана, удостоило его на торжественном акте сей публичной награды. Симбирск, 6 июня 1883 г.

Директор народных училищ Симбирской губернии, действительный статский советник, кавалер И. Ульянов».

Илья Николаевич пригласил с собою Володю не случайно. Он хотел, чтобы сын увидел торжественную обстановку, в которой происходил выпуск школьников, увидел радость учителей и самих ребят при выдаче награды.

Владимир Ильич учился очень хорошо, у него обнаружились блестящие способности к учению. Но Илью Николаевича это не успокаивало. Наоборот, он не раз выражал немалую тревогу по поводу того, что средний сын слишком легко все усваивает. Как бы не пострадало развитие у него упорства, терпения, прилежания. Без этого невозможно будет в дальнейшем овладевать более глубокими знаниями. Может быть, Илья Николаевич потому и взял Володю на торжество в приходскую школу, чтобы тот увидел, каких успехов достиг Степан Клюжев и другие ребята, несмотря на то, что они жили и учились в трудных условиях. Их никто не готовил к школе, классы были перегружены, да и домашняя обстановка не всегда благоприятствовала занятиям. Детям помогало необыкновенное упорство и труд.

Отец постоянно заботился о воспитании у всех детей чувства ответственности за учебу. Анна Ильинична писала об отце:

«Отличавшийся сам строгим выполнением долга и чрезвычайной исполнительностью, он считал важным привить эти качества и детям. Следя за уроками обоих старших сыновей, он и до гимназии и во время прохождения ими младших классов приучал их к щепетильно точному, отчетливому выполнению всех уроков».

Илья Николаевич ввел для детей систему своеобразного самоотчета. Анна Ильинична вспоминала, что, «возвращаясь из гимназии, Володя рассказывал отцу о том, что было на уроках и как он отвечал. Так как обычно повторялось одно и то же — удачные ответы, хорошие отметки, то иногда Володя просто, быстро шагая мимо кабинета отца по проходной ком-

нате, через которую шла его дорога к себе, наверх, скороговоркой на ходу рапортовал: «Из греческого пять, из немецкого пять».

Так ясна у меня перед глазами эта сцена: я сижу в кабинете отца и ловлю довольную улыбку, которой обмениваются отец с матерью, следя глазами за коренастой фигуркой в гимназической шинели, с торчащими из-под форменной фуражки рыжеватыми волосами, проворно мелькающей мимо двери. Предметы, конечно, менялись: иногда звучало: «Из латыни пять, из алгебры пять», но суть была одна: получалась обычно одна отметка — 5».

По-видимому, такой доклад был обязательным. А это показывает, что родители очень внимательно следили за успехами детей. И опять-таки характерно, что отец и мать не допекали того же Володю вопросами: «Как дела?», «Вызывали?», «Какие получил отметки?», а требовали, чтобы он сам докладывал о своих успехах. Это, естественно, приучало мальчика к самоконтролю. Анна Ильинична рассказывала, что Володя всегда по всем предметам делал больше, чем задавали, читал книжки, писал изложения прочитанного, рассказывал прочитанное, делал лишние задачи. Он глубоко любил и уважал отца и, зная, что Илья Николаевич в свободную минуту непременно поинтересуется его учебными делами и попросит рассказать о том, что и как он делал, старался все делать больше и лучше.

Очень способствовала хорошей успеваемости детей забота отца о том, чтобы в доме были наглядные пособия. Вместо принятых во многих домах украшений в виде литографий и полочек с безделушками на стенах квартиры Ульяновых висели географические карты. В комнатах были барометры и настенные термометры. Дмитрий Ильич Ульянов писал, что отец «выписывал из Москвы или из Петербурга различные наглядные учебные пособия. Так, например, он выписал астрономический прибор, состоящий из лампы, которая играла роль солнца и освещала землю и луну — маленький глобус (земля) и серебристый шарик (луна). Глобус приводился в вращательное движение вокруг собственной оси и по эклиптике вокруг солнца при помощи особого часового механизма. В определенных фазах луны прибор демонстрировал

солнечное или лунное затмение, полное или частичное, в зависимости от того, в тень или полутень входила земля... Он выписывал также из Москвы или из Петербурга политехнические выставки, например хлопчатобумажное производство, производство из льна, шелковичные коконы, веревочное производство из пеньки и т. д. и т. п.»

Илья Николаевич получал также различные приборы по физике, материалы для химических опытов, таблицы, иллюстрирующие разнообразные сведения по географии, естествознанию, зоологии. Приобрел он зоологический атлас. Все это использовалось для развития интереса детей к той или иной учебной дисциплине, для лучшего усвоения детьми основ наук.

Подруга Ольги Ульяновой Катя Арнольд рассказывала, как Илья Николаевич, дав собиравшейся у них в доме детворе наиграться, вел всех в свой кабинет или комнату, наполненную всевозможными пособиями и картинами по изучению географии, этнографии и естествознания. Там он показывал детям картины и карты, приборы и коллекции, сопровождая показ увлекательным рассказом. «Бывало придешь домой, а в голове — все слышанное. Фантазия работает усиленно, и кажется, что видишь все эти горы, реки, тропические леса и людей, населяющих их».

Известно, что дореволюционная классическая гимназия требовала от учащихся немалого напряжения. Почти половина учебного времени отводилась древним языкам, требующим заучивания, запоминания, непрерывных упражнений, зубрежки. Не случайно много гимназистов отсеивалось из каждого класса по мотивам неуспеваемости. Тогдашний министр народного просвещения Д. А. Толстой считал, что математика, физика и естествознание отравляют сознание детей материализмом, и на эти предметы отводилось всего шестнадцать процентов учебного времени. Но Илья Николаевич развивал у детей интерес к этим наукам. Дети не только прекрасно занимались в гимназии, но и читали рекомендованные отцом научные книги. Список их был очень большой. Родители поддерживали увлечения старших детей решением сложных математических и физических задач, химическими опытами, экспериментами по естествознанию. Например, Александр Ильич самостоятельно изучал химию по Менде-

лееву, он давал частные уроки и заработал деньги на устройство в летней кухне химической лаборатории.

Анна Ильинична углубленно изучала гуманитарные науки. Ольга помимо гимназической программы много занималась литературой, математикой и естествознанием. Дмитрий Ильич в гимназические годы тоже увлекался естественными науками: читал специальные книги, собирал коллекции насекомых.

Все дети очень много читали. Родители следили за тем, чтобы они хорошо познакомились с классиками русской и иностранной художественной литературы, а также с произведениями крупнейших критиков, публицистов. Отец и мать также наблюдали за тем, чтобы дети регулярно читали выписываемые для них журналы.

По утверждению Н. К. Крупской, Илья Николаевич много делал для того, чтобы дети осмысливали прочитанное. Это дало свои плоды. Василий Андреевич Калашников вспоминал, что Володя «удивительно хорошо, сознательно читал. Родители подбирали книги и руководили чтением детей. Страсть к чтению у Владимира Ильича сохранилась до конца. Через чтение дети очень рано получили разнообразные знания и общее развитие».

Илья Николаевич и Мария Александровна всегда знали, что именно в данное время читает каждый из детей, не забывали поговорить о прочитанном. Одноклассник Володи П. Персиаииов вспоминал: «Все почти вечера мы с ним проводили за чтением книг... Илья Николаевич, заходя к нам и часто заставая нас за чтением Толстого, беседовал с Володей и со мной о прочитанных книгах».

В семье в свободные часы очень любили решать всякие шарады, викторины, загадки, которые развивали сообразительность, находчивость, заставляли работать память, тренировать внимание, а главное, заставляли думать. Отец очень рано обучил детей игре в шахматы. Анна Ильинична писала: «Володя играл в шахматы с отцом и с братом Сашей. Мы, девочки, играли меньше. Помню только одну осень, когда отец и мы, трое старших, очень увлекались четверными шахматами и просиживали за ними поздно по вечерам...»

Первое время лидером был только Илья Николаевич, но затем он вынужден был сдаваться старшей до-

чери и сыновьям. Дмитрий Ильич рассказывал, что однажды после крупного проигрыша Илья Николаевич ночью поднялся в комнату Саши, «стащил» у него руководство по шахматной игре, просидел за ним всю ночь и тихонько отнес обратно. В следующей «схватке» со старшим сыном отец чувствовал себя более уверенно. Из этого явствует, что он хотел быть примером для детей в самоусовершенствовании. Пусть они видят, что во всем надо постоянно продвигаться вперед. Но здесь было и другое: отец видел в шахматах прежде всего тренировку ума и хотел стать сильным противником, чтобы игра требовала от сыновей максимального напряжения мысли. Илья Николаевич понимал, что для сыновей игра может оставаться интересной лишь при условии, если трудности будут нарастать. Недаром пятнадцатилетний Володя, играя с более слабыми игроками, давал им пешку или даже коня вперед, заявляя: «Какой же интерес для меня играть на равных силах, когда нет надобности думать, бороться, выкручиваться».

Именно поэтому Илья Николаевич однажды сказал сыну (это было зимой 1885/86 года, незадолго до кончины отца):

«Володя, ты стал меня побивать в шахматы, тебе уже нужно познакомиться с NN и с ним играть».

Человек, которого имел в виду Илья Николаевич, считался в Симбирске лучшим игроком. Таким образом, отец хотел увеличить нагрузку на интеллект Володи.

Все дети Ульяновых увлекались музыкой, книгами, математикой или языками, старались сделать как можно больше, непрерывно совершенствуя себя. Александр, например, говорил с сожалением, что он более шестнадцати часов в сутки работать не может. И действительно, будучи студентом, он работал по шестнадцать часов. Ни отец, ни мать никогда не волновались по поводу того, что дети могут переутомиться. Они, по-видимому, очень верили в большие возможности молодого организма, считали, что ум так же, как и тело, нуждается в постоянном упражнении, в закалке. Единственно, о чем заботились родители,— чтобы напряженные умственные занятия детей сочетались с прогулками, играми на воздухе, купанием, катанием на санках, физическими упражнениями, чтобы дети

правильно питались и нормально спали. В каникулярное время дети хорошо отдыхали и много веселились. Может быть, в этом и кроется одна из причин того, что при очень большой умственной нагрузке они не теряли работоспособности, не изматывали силы.

Надо полагать, что во многом тут помогала собранность, высокая культура учебного труда, а также оборудование рабочей комнаты всем необходимым.

Анна Ильинична рассказывала В. Д. Бонч-Бруевичу, что у Володи был отдельный стол, где он занимался, а потом ему отвели и книжный шкаф. «Везде у него было все чисто, переплетенные книжки завернуты в газетную бумагу. В тетрадях все было у него аккуратно. Он как-то посадил большую кляксу, случайно вытащив что-то из чернильницы. Это его очень взволновало. Он тщательно вынул этот лист из тетради, вшил другой и сейчас же переписал все три страницы, ранее им сделанные. Когда он занимался, то был очень сосредоточен, ничем не отвлекался. Кончив уроки, он книжки и тетрадки убирал в ранец, а все остальное в стол или на полки шкафа, в свою библиотеку, на которую у него был составлен в тетрадке каталог»[1].

Н. И. Веретенников рассказывал, что Владимир Ильич в детстве очень бережно относился к книгам. Никогда не видели у него растрепанных или разбросанных книг.

К такой аккуратности дети были приучены матерью, которая сама отличалась идеальной организованностью и аккуратностью. Кто из родителей не знает, как трудно вырабатывать у детей привычку быть точными, аккуратными в каждой мелочи, каждое, даже самое маленькое, дело выполнять тщательно, доводить его до конца, если оно не удалось, непременно переделывать. Какой нужно обладать выдержкой, терпением, непременной доброжелательностью, чтобы постоянно и настойчиво добиваться этого! Аккуратность — это не только выражение дисциплинированности и внутренней культуры человека. Это огромный организующий фактор учебы. Если школьник все делает кое-как, то чаще всего он плохо запоминает правила и законы, потом начинают «не выходить» задачи, не усваивается логика рассуждений учителя и как следствие — пада-

[1] *В. Д. Бонч-Бруевич.* В семье Ульяновых.— «Семья и школа», 1946, № 10—11, стр. 8—9, 10.

ет успеваемость. Это неизбежно вызывает у детей нервозность, неверие в свои силы. В результате может постепенно угаснуть интерес к учебе. Очень выводят детей из равновесия и мешают им сосредоточиться на умственных занятиях бесконечные поиски учебников, тетрадей, ручек, циркуля, красок, линеек, которые они забывают своевременно положить на место. Иногда ученики эти вещи находят быстро, иногда долго не находят, взвинчиваются, сердятся на себя и на весь свет. Из-за этого они порой надолго прерывают или совсем прекращают подготовку уроков. Нечего говорить о том, что у них расслабляется воля, портятся нервы.

Подобного не происходило с детьми Ульяновых, так как родители не представляли себе правильного семейного воспитания без воспитания организованности во всем. Они немало сделали, чтобы развить внимание у детей, научить их сосредоточиваться на главном в работе. Детям не разрешалось отвлекаться от занятий, пока они не выполнят все до конца. Даже заведенные в семье «тихие часы» общих занятий развивали у детей способность длительно сосредоточиваться на чем-то одном.

В воспоминаниях родных Владимира Ильича указывается, что ради уроков Володя отказывался от интересных игр, от конькобежного спорта, которым страстно увлекался, от прогулок по «Большому Венцу». Побеждали интерес к умственным занятиям и чувство долга.

Володя часто бывал со своими одноклассниками у гимназиста Аполлона Коринфского, который владел большой библиотекой. Один из их общих товарищей вспоминает, что Ульянова нельзя было оторвать от шкафа с книгами. Он взбирался на высокую табуретку, быстро перелистывал страницы и сосредоточенно читал. Его звали в общую комнату повеселиться, но он отказывался.

Таким образом, ярко выраженные интеллектуальные интересы, которые развивали у детей родители, помогали укреплению воли, а воля, в свою очередь, помогала развитию способности к самообразованию.

Жизнь в труде

Когда Владимир Ильич скрывался в Разливе и жил в шалаше, он косил сено, рубил дрова, мыл посуду, готовил пищу. В какие бы условия он ни попадал, всюду отлично справлялся с любой работой. Он мог починить одежду, носки, постирать рубашки.

Трудовые навыки были получены им в детстве, а любовь к труду возникла и развилась под влиянием великолепного примера родителей. Анна Ильинична писала, что Илья Николаевич, несмотря на слабое здоровье, отличался всю жизнь большой трудоспособностью и исполнительностью в работе. Свойственна ему была также большая настойчивость в проведении намеченного плана всякой взятой на себя работы.

Что касается Марии Александровны, то она была олицетворением трудолюбия. Чем более читаешь воспоминаний и рассказов о ее жизни, тем более дивишься, как эта удивительная женщина справлялась со своими бесчисленными трудовыми обязанностями. Да ведь как справлялась! Причем сфера приложения ее сил не ограничивалась только своей семьей и детьми. Мария Александровна обучала ручному труду девочек из приходской школы, активно участвовала в работе попечительского совета и благотворительного общества.

В своей семье Мария Александровна сумела сделать труд серьезным средством воспитания детей. Воспитание трудолюбия, аккуратности, чистоплотности начиналось в мире игрушек и игр. Затем дети приучались к самостоятельности при выполнении несложных трудовых обязанностей. Будучи еще совсем маленькими, они сами прибирали свои игрушки и книжки, самостоятельно одевались, ели. Когда подросли старшие, они, видя, как трудно справляться с хозяйством и с уходом за малышами матери и няне, помогали им. Это были их новые трудовые серьезные обязанности.

Мать обучала детей труду так же обстоятельно и серьезно, как работала сама, не делая разницы между мальчиками и девочками. Она учила пользоваться иголкой и ниткой и производить простую починку своей одежды одинаково и дочерей и сыновей. По мере того, как подрастали девочки, мать их обучала вязанию, вышиванию, шитью.

«Перед глазами так ясно встает картина, как я ребенком сижу рядом с матерью,— вспоминала Мария Ильинична.— Она с работой и у меня в руках носовой платок, который я должна подрубить. Работа не очень интересная, так и побежала бы побегать по двору или саду, но мать умеет ласково удержать меня, скрашивая труд своими рассказами, и я благополучно доканчиваю работу».

В Доме-музее В. И. Ленина в Ульяновске и сейчас еще сохранились красивые работы, по которым можно судить, что дочери Ульяновых достигли немалых успехов в художественном вышивании.

А по мере того, как подрастали мальчики, отец их учил работать рубанком, лобзиком, стамеской и другими инструментами. Сохранились некоторые работы Саши. Они очень аккуратно и изящно выполнены. Чувствуется, что детей не просто учили ремеслу, а воспитывали стремление сделать вещь добротно, красиво. Успех неизбежно дает ощущение радости труда, а с этого, собственно, и начинает развиваться подлинная любовь к труду. Вышитая «крестом» подушка на диван, выпиленные лобзиком рамки для портретов или хлебница, сделанные руками старших детей игрушки из картона, из осокоревой коры, из дерева, которыми с удовольствием играли их младшие братья и сестры,— все эти вещи вызывали удовлетворение у самих юных мастеров: вещь не только хорошо сделана, но она кому-то нужна, полезна. Это уже элемент ощущения радости труда на общую пользу.

Еще большее воспитательное значение имел труд коллективный. Тут и взаимопомощь, и трудовое соревнование, и единство чувств и мыслей, которые обычно возникают только в дружной, коллективной работе.

Анна Ильинична вспоминает: «За частыми отлучками отца мы проводили время преимущественно с матерью, читали, занимались, мастерили что-нибудь из картона и цветной бумаги для елки.

Так как почти все украшения были продуктом нашего труда под руководством матери, то начинали мы работы задолго до елки, и они заполняли содержанием наши зимние вечера. Таким образом, елка была для нас не чуждым, купленными украшениями разубранным деревом, а нашим коллективным созданием; и даже позднее, в школе, не знавшей в то время

никаких ручных работ, увлекались мы этим примитивным творчеством. На общем фоне трудовой жизни оно являлось тем радостным, творческим трудом, которому придается такое значение в современном воспитании...»

Коллективных форм труда было много. Это и помощь старшим в уборке комнат, и расчистка площадки для игры в крокет или в рюхи, и поливка горки и раската для катания на санях, и сколачивание ящиков для хранения инструментов и игрушек, и мытье посуды после чаепитий, и уборка сада.

О саде надо рассказать особо. Он, так же как и почти все в доме Ульяновых, играл свою роль в воспитании детей. В саду росли клубника, смородина, вишня, малина, много овощей, хорошие сорта яблонь — анис, белый налив и еще какие-то особенно вкусные яблоки на дереве, которое дети называли «черным деревом». Ребята наблюдали за развитием растений, за жизнью птиц и насекомых. Цветение фруктовых деревьев, сирени, акаций, цветов, в особенности любимых Марией Александровной роз, серебристые тополя и «Анина осинка» с вечно трепещущими листьями вызывали неизменное восхищение детей и развивали их эстетические вкусы. Развесистые вязы с толстыми стволами были своеобразными гимнастическими снарядами, дети лазали по деревьям, играли и прятались в их густой листве.

Мария Александровна просила детей, чтобы яблоки с «черного дерева», даже если они поспеют, поберечь до приезда папы и вообще стараться, чтобы папа побольше ел этих яблок. Дети знали, что отец очень перегружен работой, утомляется в частых поездках по уездам Симбирской губернии, а у него не очень крепкое здоровье. И они охотно отказывались от самых вкусных яблок в пользу отца. Конечно, в конце концов и они полакомятся этими необыкновенными яблоками. Но самое главное заключалось в том, что дети заботились об отце. С других деревьев яблоки можно было есть не раньше, чем они созреют. А до того времени позволялось собирать только те, что падали на землю. Три особенно плодородных вишневых дерева дети не трогали до дня рождения отца. Это всегда очень удивляло соседей и знакомых. Им не верилось, что никто из детей, среди которых были и подростки и малыши, не нарушал заведенного порядка.

— Дети могут кушать ягоды в другой части сада. А эти деревья я просила их не трогать,— говорила мать знакомым.

Мать указывала детям вишиевые деревья, гряды клубники, части малииника, где можио было «пастись» сколько угодно. Это приучало к дисциплине.

Мария Александровна очень умело организовывала коллективиый труд детей.

«В поливке сада, а иногда и в уборке его приимали участие все дети,— делится своими воспомииаииями Дмитрий Ильич.— Это была, так сказать, общественная нагрузка, от которой никто никогда не отказывался, иаоборот, скорее было соревиоваиие.

Около колодца во дворе стояла большая кадка, другая такая же кадка стояла в цветиике. От нас требовалось, особеиио в жаркое летнее время, чтобы обе эти кадки были заблаговремеиио наполиеиы водой, чтобы можио было поливать цветы раио утром, что часто делала мать сама. По вечерам же брались за работу все вместе. Обычно один кто-нибудь качает воду из колодца, другие с лейками и ведрами разносят ее к месту иазначеиия. Бывало, приходит иногда отец, и работа кипит вовсю. Если качаешь воду из колодца, не хочется уступать другому, покуда не иатрешь мозолей на руках, лишь бы побольше наполнить бочку водой, ие отстать от других.

Дружная, спорая бывала работа!»

Аииа Ильииична и Дмитрий Ильич рассказывают о коллективиой работе в саду с искреииим удовольствием. Работать было весело, да еще вместе с отцом и матерью. А раз так, то труд уже был не только «нагрузкой», а радостью.

Родители считали недостаточным воспитать у детей только любовь к труду. Есть люди, которые любят труд, готовы работать, как говорят, до седьмого пота, но только в своих личных интересах. Ульяновы последовательио формировали у своих сыиовей и дочерей чувство трудового долга перед семьей, перед обществом.

Трудовой долг перед коллективом — это высочайший нравствениый мотив трудовой деятельности детей. Он иеизбежно перерастает в чувство долга перед народом, перед Родииой. Воспитанный в таком духе человек уже не в состоянии работать только для себя, он

жаждет общественно полезной деятельности и непременно находит ее.

В коллективном труде вырабатывалась привычка помогать друг другу, помогать всем, кто в этом нуждается.

На формирование у детей чувства долга очень влиял пример отца. Мария Ильинична писала: «Вечно занятый, горя на работе на благо своему любимому делу, отец и детям старался привить то сознание долга, которое было так сильно развито у него, выработать у них характер, волю, трудоспособность, развить

...доверенность великую
К бескорыстному труду».

Дети научились ценить нелегкий труд отца, на средства которого жила вся семья, и поэтому стремились поскорее вложить и свою лепту в бюджет семьи.

Саша нередко брался за частные уроки, даже учась в последних классах гимназии и готовясь к экзаменам на аттестат зрелости.

Был и такой случай. Отец систематически посылал Александру Ильичу деньги в Петербург, когда тот уже стал студентом. Но сын очень экономно тратил их, а, приехав домой на каникулы, часть денег вернул отцу.

Оля, в период жизни в Казани, тоже зарабатывала деньги частными уроками, совмещая это с занятиями шведским языком и посещением музыкальной школы.

Шестнадцатилетний Александр Ульянов считал, что главное призвание человека — это приносить пользу обществу. В гимназическом сочинении он писал: «Честность и правильный взгляд на свои обязанности по отношению к окружающим людям должны быть воспитаны в человеке с ранней молодости, так как от этих убеждений зависит и то, какую отрасль труда он выберет для себя и будет ли он руководствоваться при этом выборе общественной пользой или эгоистическим чувством собственной выгоды...

Любовь к труду должна простираться не только на легкие и ничтожные вещи, но и на то, что с первого взгляда кажется непреодолимым.

Чтобы быть действительно полезным членом общества, человек должен настолько приучиться к настойчивому труду, чтобы не останавливаться ни перед какими трудностями и препятствиями, ни перед теми,

которые представляют ему внешние обстоятельства, ни перед теми, которые представляют ему собственные недостатки и слабости: для этого он должен уметь управлять своей волей и выработать себе твердый и непоколебимый характер».

Эти слова Саши очень хорошо характеризуют отношение к труду и всех остальных детей Ульяновых. У них слово никогда не расходилось с делом. Все они беззаветно трудились на благо людей, всю жизнь обогащали свой ум знаниями, работали много, творчески.

Развитие в играх

В дневнике О. П. Петровой, соученицы Оли Ульяновой, есть такая запись:

«Завтра пойдем с Катей (сестрой.— *И. П.)* к Ульяновым на елку. У них всегда очень весело...

Были у Ульяновых. Оля позвала почти всех наших девочек. Илья Николаевич сам зажигал елку, танцевал с нами, и мы с ним играли в разные игры: жмурки и кошки-мышки. Мария Александровна играла нам танцы. Были и мальчики, товарищи Володи. Было так весело, что не хотелось уходить...»

Так бывало не только в праздники. В этой дружной, веселой семье поощрялась любая инициатива детей, изобретательность, проявление какой угодно фантазии, предоставлялась полная свобода в выборе игр. Бытовало народное правило: «Кончил дело — гуляй смело». «Гулять» разрешалось детям как они хотели. Считалось, что чем богаче мир игр, радостей, развлечений, тем лучше. Не поощрялось только бессмысленное времяпрепровождение и праздность. Родители понимали, что человек формируется в деятельности, а для этого он должен быть предприимчивым, энергичным, инициативным. Это развивается в играх, в детских забавах, делах.

В семье Ульяновых почти не было покупных игрушек. Девочки с помощью матери и няни шили самодельные куклы, мальчики вырезали из картона и бумаги солдатиков, мастерили всевозможные игрушки из бересты, делали самодельные ходули, клеили маски. В действии были и мысли и руки детей.

Если в «тихие часы» запрещалось шуметь, то в

другое время детям позволялось сколько угодно «ходить колесом», таскать «убитого дикого зверя» в виде громадного растрепанного корня дерева, размалевывать себя «под индейцев».

Родители, например, прекрасно знали, что в часы их отсутствия дети устраивали буйную игру в «брыкаску». Ее выдумал Володя, и он был главным «заводилой». Младшие дети забирались в разные уголки полутемного зала и с замиранием сердца ждали появления мохнатого «чудовища». Оно со «страшным» рычанием бросалось то на одного, то на другого. Начиналась невероятная возня, беготня, крики, хохот. Потом уже дети ловили и тузили «брыкаску», которая с громкими воплями носилась по всем комнатам. Судя по тому, что эта игра время от времени повторялась в течение нескольких лет, родители не останавливали детей. Детство есть детство. Раз эта игра вызывает у ребят восторг, заставляет фантазировать, волноваться, смеяться — значит, она полезна, она обогащает их эмоциональную жизнь, развивает фантазию, воображение.

Детям не запрещалось играть в рискованные игры на реке, кататься на санках с высоких гор, отправляться в далекие странствования по болотам и оврагам верхом «на лошадях».

Конечно, Мария Александровна и Илья Николаевич, как все родители, волновались за детей, очень берегли их, но не опекали их по мелочам, доверяли их самостоятельности. Они хотели дать обществу совершенного человека, а ребенок мог вырасти таким только при хорошей физической и волевой закалке.

Такая свобода, непринужденность имели немалое значение также и для понимания родителями внутреннего мира детей и верной оценки их возможностей. Разобраться в собственных детях легче при условии, если они до конца «выдают» все, что в них таится. Немыслимо хорошо рассмотреть и оценить индивидуальные черты в характере ребенка, если он скован жесткими назиданиями, предупреждениями, угрозами. В таких тисках ребенок не может в полной мере проявить себя. Но зато как развертывается его характер, его ум в смелой, интересной игре!

Отец и мать Ульяновы не только не затормаживали игры и развлечения детей, но часто сами иг-

рали вместе с ними. Характерно, что Мария Александровна и Илья Николаевич, как метко отмечала Анна Ильинична, не снисходили до интересов детей, а действительно увлекались играми с ними и веселились так же, как и дети, от всей души.

Чем больше подрастали дети, тем разнообразней и содержательней становились игры. Играя вместе с детьми, родители видели, как проявляется в детях человеческое достоинство, выдержка, порядочность, деликатность, справедливость, честность и т. д., а также подмечали и недостатки в их характерах: неуравновешенность, горячность, самоуверенность и тактично помогали исправлять эти недостатки. Вероятно, именно в совместных играх и развлечениях надо искать разгадку того внутреннего единения между родителями и маленькими детьми, которое было в семье Ульяновых.

Именно в совместных играх у детей возникало восхищение отцом и матерью. Папа скорее других может поймать «мышку», когда идет игра в «кошки-мышки», выше всех запускает бумажного «змея» с мочальным хвостом. Мама больше всех знает детских песенок, умеет сочинять самые интересные сказки, мастерить самые красивые игрушки-самоделки — с этого восхищения начинается осмысленное признание авторитета взрослых.

Но играть с детьми, и с маленькими, и со старшими, непросто. Родители требовали от детей обязательного выполнения правил игры, но не навязывали своих советов, указаний, не упрекали за ошибки, не возмущались нерасторопностью. Они понимали, что игра должна быть эмоционально насыщенной, радостной, веселой. Лишь при этом условии у детей возникает желание сдерживать себя, когда это необходимо, и самостоятельно выбираться из затруднительных положений, придумывать новые игровые комбинации. А это и есть путь к самовоспитанию, развитию инициативы, выработке привычки проявлять волевое усилие.

У маленьких в большом ходу была игра в солдатики. Володя сам вырезал солдатиков из бумаги и раскрашивал их цветными карандашами. Было две армии: одна у Володи, другая у младшего брата, Мити. Солдатики стояли благодаря отогнутой у ног

полоске бумаги. Размер этой полоски был строго установлен — одинаковый в обеих армиях, но различный для солдат и генералов. У последних полоски были шире, и поэтому они были более устойчивы.

Дмитрий Ильич в своих воспоминаниях рассказывает, что в солдатики одновременно играли Саша, Володя, Митя, Аня и Оля. Саша всех научил вырезать солдатиков из цветной бумаги. Вырезывались также и кони, на которых прилаживали солдатиков верхом — получалась конница. Всадники были крупного размера. Каждый игравший выставлял на полу по десять — пятнадцать солдатиков, и они сбивались маленькими резиновыми мячиками, которые употреблялись для игры в лапту. Сбитые фигурки заменялись новыми из запаса. Играли обычно в столовой.

В игре проявлялись интересы, симпатии и знания детей. Сашина армия — это итальянцы под предводительством Гарибальди. Володина — американцы Авраама Линкольна. У Ани и Оли были испанские стрелки, боровшиеся с Наполеоном Бонапартом.

Любили дети играть в «казацкую вольницу». Володя с двоюродным братом, вооружившись длинными деревянными пиками, носились по полям, лугам и овражкам. Кое-где делали привалы, подкреплялись взятыми с собой овощами и ягодами. Володя всегда умел придать особый интерес игре. Он предложил каждому взять имя какого-нибудь литературного героя. Себе он взял имя Тараса Бульбы, двоюродный брат был Казбич. Набеги «казацкой вольницы» постепенно перешли в краеведческие экскурсии по окрестным лесам, по берегам рек, оврагам.

Не меньше прелести было и в «сидячих» играх, в них часто участвовали и взрослые. Играли обычно в саду. Дети, предвкушая удовольствие играть вместе с родителями, бежали за стульями и табуретками. Играли в «омонимы». Кто-то один уходил, а все задумывали слово, отгадывать которое надо было, подобрав «омонимы».

Была и такая игра. Узнавали загаданного человека по вопросам, на которые отвечали только «да» и «нет». Надо было подобрать характерную черту для загаданного лица. Вопросы задавались так:

— Он?

— Нет.

— В саду?
— Да.
Далее дети спрашивали:
— В синем платье?
— С цветком за поясом?
А взрослые задавали такие вопросы:
— Смела ли?
— Догадлива ли?
Часто вопросам придавали шутливый характер:
— Упал сегодня с мостков в воду?
— Первобытный человек? (Так называли племянника Марии Александровны Николая Веретенникова, потому что он катался по пруду на камышовом плоту с парусом.)

Н. И. Веретенников рассказывал впоследствии, что в этой игре обычно затмевал всех Володя: отгадывал все с первых же слов, а сам задавал такие лукавые вопросы, что вызывал общий хохот.

Однажды был «загадан» один из двоюродных братьев. Незадолго до этого он подстрелил девять домашних уток, его так и прозвали горе-охотником (известно, что домашние утки выстрелов не боятся, и в них можно стрелять сколько угодно). Володя, быстро угадав, спросил:

— Не полагает ли загаданное лицо, что дикие утки улетают только после девяти выстрелов?

Громкий хохот играющих означал, что Володя попал не в бровь, а в глаз.

Была и такая игра: кто-нибудь читал из книги фразу, а отгадывающие должны были назвать автора и название произведения. Вначале брали только басни Крылова, а позднее и других классиков литературы.

Очень часто разыгрывали шарады.

Все эти игры на первый взгляд казались маленькими семейными развлечениями. А между тем в них крылся огромный педагогический смысл. Они сближали детей с родителями, сближали между собой всех членов семьи. Они давали возможность родителям лучше узнать и глубже понять каждого из детей. Ведь в этих играх выявлялись дерзание или нерешительность, стремительная мысль или замедленная сообразительность, сметливость или недогадливость, большой или маленький запас слов, богатство или

бедность знаний, красноречие или скованность в изложении своих мыслей, лукавство или идеальная честность, честолюбие или застенчивость детей.

Самоусовершенствование

Мария Александровна и Илья Николаевич Ульяновы сумели воспитать в своих детях потребность постоянного самоусовершенствования.

Самоусовершенствование человека заключается в том, чтобы постоянно приобретать и развивать положительные качества и одновременно сводить на нет свои недостатки. А они могут быть у детей даже при хорошем семейном воспитании. Слишком сложен и многообразен процесс формирования растущего человека, на него оказывается очень много влияний извне, в том числе и неблагоприятных. Некоторые из них глубоко проникают в психику. Да и в ребенке так же, как в любом живом существе, ничего не бывает неизменным, статичным.

Ульяновы всегда внимательно присматривались к поведению детей и подмечали их недостатки. Деликатно и вместе с тем настойчиво боролись за их преодоление.

Для того чтобы маленький Володя более усидчиво готовил уроки, Илья Николаевич уводил его в кабинет и задавал ему вопросы, которые заставляли серьезно работать мысль. Володя начинал понимать, что все усвоить и прочно запомнить не так-то просто. Володю-подростка Мария Александровна пыталась убедить бросить курить, объяснив, как это вредно для здоровья. Увидев, что такой мотив на него не очень действует, она сказала, что его курение нанесет некоторый ущерб семье в материальном отношении, он же пока не зарабатывает денег. Это на Володю подействовало. Мать потом говорила, что довод о расходах она использовала в качестве последней «зацепки».

Мария Александровна останавливала младшего сына Митю, когда он, увлекаясь, так быстро говорил, что начинал заикаться, затем заставляла его неторопливо и связно изложить то, что он хотел сказать.

Родители поощряли взаимную критику детей и старались вызвать у каждого из них желание самим

избавиться от недостатков. В доме могли доброжелательно высмеять, сделать ироническое замечание, прямо указать на недостатки. Маленькая Оля критиковалась за капризы; Митя за то, что много говорил; Володя — за горячность. В «Субботнике» был отдел критики, который вела Аня. Мария Александровна тревожилась: не отобьет ли критика у младших детей охоту писать. Но затем она полностью согласилась с Ильей Николаевичем и Сашей, что критика принесет всем только пользу.

Анна Ильинична вспоминала: «Я находилась в то время в периоде увлечения Белинским и была в твердом убеждении, что без отдела критики не может существовать ни один порядочный журнал, поэтому я дала разбор произведений прошлого номера...

Критика сочинений меньших была, конечно, легкой задачей. Наибольший простор для нее дал мне более длинный, чем Оли, рассказ Володи. Я подчеркивала невероятности и несоответствия, и я помню, с каким сосредоточенным вниманием слушал этот резвый мальчик новый для него род литературного произведения, не выказывая ни тени личной обиды, несмотря на язвительность некоторых словечек (ведь надо было подражать Белинскому)».

В номерах журнала было разное содержание и разная форма критики (карикатуры, веселые картинки, рецензии), но она присутствовала обязательно и, конечно, производила немалое впечатление. Постепенно дети привыкли к тому, что в журнале, как в маленьком зеркальце, они видят свои недостатки. Это были не обидные упреки, не нотации, не коварный удар по самолюбию со стороны старших, а именно дружеская доброжелательная критика. «Субботник» сыграл очень большую роль в том, что каждого из детей заставлял обращать внимание на свои недостатки, они не сердились на критические замечания, а, как говорят в народе, «наматывали их на ус». Пожалуй, тот тон взаимоотношений между детьми, что определился в номерах журнала «Субботник» (взаимная критика недостатков, дружеская поддержка всего хорошего и выявление друг у друга творческих способностей), вообще был характерен для отношений между детьми в семье Ульяновых.

Ульяновы критически относились не только к недо-

статкам своих братьев и сестер, но и товарищей. Причем это сочеталось с тактом и помощью им. Володя любил расспрашивать сверстников о прочитанных книгах. Однажды он спросил у двоюродного брата Коли Веретенникова, читал ли тот «Дым» И. С. Тургенева. Тот ответил утвердительно, но Володя почувствовал по его тону неправду и задал коварный вопрос:

— А повесть «Литвинов» читал?

Тот ответил отрицательно.

Володя уличил его во лжи:

— Если бы ты «Дым» читал, то знал бы, что Литвинов — герой этой повести.

Коля был очень смущен. Он ждал, что двоюродный брат сейчас его высмеет за то, что он мало читал, да еще сказал неправду. Но Володя промолчал, предоставив ему самому сделать выводы из этого разговора. Может быть, он в эту минуту вспомнил разъяснение отца, который мягко и деликатно внушал детям, что только одно незнание — еще не повод для насмешек и нельзя оскорблять человека пренебрежением. Это было после того, как один кокушкинский знакомый, который считался культурным и образованным человеком, высказал предположение, что некоторые высоко взлетающие самодельные ракеты долетают до звезд, и все дети Ульяновых по этому поводу дружно расхохотались [1].

Н. И. Веретенников вспоминал и такой эпизод. Володя с двумя двоюродными братьями нередко прогуливались между Кокушкином и соседним селом Татарским Черемышевом и разговаривали о всякой всячине.

Кто-то заговорил о значении и силе золота. Один из спутников высказал мысль, что, если бы все согласились не придавать значения золоту, так и лучше было бы жить. На что Володя заметил:

— Если бы *все* зрители в театре чихнули враз, то, пожалуй, и стены рухнули бы. Но как это сделать?

Так коротенькой репликой он часто опрокидывал наивные рассуждения сверстников, заставляя их серьезнее и глубже размышлять над жизненными проблемами.

---

[1] *Н. И. Веретенников.* Володя Ульянов. Воспоминания о детских и юношеских годах В. И. Ленина в Кокушкине. М., Детгиз, 1957, стр. 34—35.

Одноклассник Владимира Ильича вспоминал такой случай. Он взял у Володи книгу Н. Г. Чернышевского, обещав точно вернуть в назначенное время, но потом передал ее еще одному ученику, который заболел и из-за предосторожности (книга была запрещенной) взял ее с собой в лазарет. Срок прошел, и Володя спросил:

— Что же ты не возвращаешь мне Чернышевского? Ты же знаешь, что книга чужая и я обещал вернуть ее в назначенный срок?

Гимназист рассказал Володе в чем дело. Тот поморщился и резко заметил:

— Если ты не хочешь или не можешь, я сам сумею достать книгу из лазарета. Терпеть не могу людей, не умеющих держать свое слово.

В таких случаях Володя был непримирим. В ответ на его резкость гимназист вначале вспылил, но потом осмыслил свою неправоту и, тайком пробравшись в лазарет, достал книгу. На следующий день они с Володей дружески и оживленно обсуждали содержание романа «Что делать?».

Непримиримое отношение к недостаткам людей, прямота в выражении своего мнения — это то, к чему Ульяновы сознательно приучали детей.

В своей критике Володя был не только прям, но и очень смел.

Как-то в седьмом классе он очень вяло излагал заданный на дом урок по логике. На вопрос директора гимназии Ф. М. Керенского, почему он так отвечает, последовало объяснение:

«Учебник логики не соответствует развитию правильного мышления, а, напротив, задерживает и туманит его».

За этот урок Владимир Ильич получил четверку, что было исключительным событием в его ученической жизни.

Володя с уважением относился к педагогам. Но не ко всем. В их классе преподавал французский язык мсье Пор, о котором говорили, что он был простым поваром и получил право преподавать в гимназии благодаря выгодной женитьбе. Все видели, что это неумный фат с большим самомнением. Преподавал он скверно. Володя это отчетливо понимал, так как Мария Александровна с раннего детства обучала его

французскому языку. Ему были очевидны методические и лексические ошибки француза. И Володя нередко насмехался над педагогом. По этому поводу в гимназическом журнале, который издавали ученики (по-видимому, тайком.— *И. П.*), была нарисована карикатура на француза: закрывшись веером, он в ужасе бежал к толстой жене, спасаясь от Владимира Ульянова.

Не упускала случая высмеять любое проявление глупости, мещанства Оля. Она так же, как Саша и Володя, высоко ценила каждого хорошего человека и непримирима была к дурным людям. В одном из писем к своей близкой подруге Александре Щербо, рассказывая о жизни и людях Казанской музыкальной школы, она писала:

«Нравится мне одна классная дама здешней Мариинской гимназии, она очень любит музыку и вот учится второй год, хотя у нее мало времени. Я почти всегда сижу и разговариваю с нею: она простая, то есть не гордая, не думает о себе много, и с нею можно свободно говорить обо всем. Мы с ней обе порядочные насмешницы, и некоторым барышням, над которыми мы изощряем свое остроумие, и во сне не снится, как мы над ними смеемся».

Ольга постоянно и беспощадно осуждала одну из своих одноклассниц — Штраль, которая считала, что образование нужно только бедным, и ничем, кроме нарядов и развлечений, не интересовалась.

Однажды Оля резко осудила и свою подругу:

«...Я, признаться, тебя не совсем понимаю, Саша. Ты пишешь, что Варя не спешит обнять тебя, а сама-то ты что же? У Вари больна мама; она сидит все время, наверное, дома с ней; конечно, беспокоится, грустит, а ты не только не пойдешь проведать и развлечь ее несколько, а еще как будто обижаешься, что она была у Нины, а у тебя нет. Называй это щепетильностью с твоей стороны или там как хочешь, а, по-моему, попросту это нехорошо...»

Но дети Ульяновых, непримиримо относясь к дурному в товарищах, прежде всего предъявляли очень высокие требования к себе самим и постоянно стремились совершенствоваться.

Однажды Аня попросила Сашу охарактеризовать ее недостатки. Саша ответил: «Отсутствие определен-

ных общественных убеждений и некоторая неровность характера».

Это был не праздный вопрос. Аня искренне и серьезно стремилась стать лучше, подняться выше. Для этого надо было знать, что ей необходимо в себе развивать. Саша не побоялся ответить на вопрос сестры прямо и честно. Он знал, что это будет больно ей. Но это будет благотворная, очистительная боль, которая поможет самоусовершенствованию.

Так же относился Саша к недостаткам Володи. Анна Ильинична рассказывает, что он осуждал его за дерзость и насмешливость, которые иногда проявлялись у подростка.

Вот к такому строгому отношению друг к другу постоянно склоняли родители своих детей. Они верили в то, что дети будут взаимно помогать один другому, смело идти по нелегким дорогам жизни к свету и добру.

Саша умел поддержать и все хорошее, что было в братьях и сестрах. Аня всегда с большим волнением давала ему прочесть свои стихи и не раскаивалась в этом. Она утверждала, что никогда «...не встречала более внимательного, серьезного и в то же время более чуткого критика. С какой-то удивительно чистой, бескорыстной радостью отмечал и приветствовал он проявление всякой способности у другого. Так было и с моими литературными опытами».

Сам Александр достиг поразительных успехов в совершенствовании своего характера. Все родные и друзья единодушно рассказывают в своих воспоминаниях об удивительной глубине натуры Александра, а также о его идеальной выдержке, деликатности, тонком понимании людей и беспредельной доброте. Главным критерием в оценке внутренней сущности человека Саша считал его убежденность. «Оценивая человека,— писал Саша о себе,— я держусь всегда такой мерки: насколько он выработал в себе определенные общественные идеалы, идеал нового, лучшего порядка вещей. Насколько основательны и энергичны его убеждения и насколько энергично и самоотверженно он идет к их осуществлению».

Он был непререкаемым авторитетом для младших братьев и сестер. Именно поэтому Аня и захотела узнать его мнение о себе.

Володя присматривался ко всему хорошему в людях и непременно с тем, чтобы прикинуть к себе: так ли он поступает, нет ли чего в поступках другого такого, что он мог бы позаимствовать.

«Это было, по-моему, одной из сильных сторон Володи,— вспоминала Анна Ильинична.— У меня остались в памяти случаи, по поводу которых он говорил: «Я думал: хватило бы у меня мужества на это? Пожалуй, нет»».

Идеал для подражания — любимый старший брат. «Ввиду отличавшей Александра Ильича с раннего детства большой идейности, твердости воли, выдержанности, справедливости и вообще высоты нравственных качеств, между прочим огромной трудоспособности,— подражание это было очень полезно для Владимира Ильича...— писала Анна Ильинична.— Володя был с детства вспыльчив, и пример Саши, его всегдашней ровности и большой выдержки, имел для всех остальных детей, в том числе — и особенно — для Володи, большое значение. Сначала подражая старшему брату, Володя потом сознательно стал бороться с этим недостатком, и в более зрелые годы мы совсем — или почти совсем — не замечали в нем вспыльчивости».

Очень любил Володя театр, выступления артистов. Нередко его назначали в гимназии распорядителем концертов. Однажды он как-то особенно был восхищен выступлением артиста Андреева-Бурлака, который в белом халате, с белым колпаком на голове очень талантливо читал «Записки сумасшедшего» Н. В. Гоголя.

После его выступления Володя несколько раз повторял задумчиво:

— Вот так талантище!

А на другой день сказал своему товарищу:

— Знаешь, я хотел узнать, насколько трудно перевоплощаться в какую-нибудь роль, и пробовал декламировать «Записки сумасшедшего», да ничего из этого не вышло. Талант надо!

Такое самокритичное отношение Володи к себе самому было характерной его чертой.

Очень строгим было отношение к себе и своим способностям у подруги детства Володи, его любимой сестры Оли. Несмотря на то, что она хорошо играла на

рояле и в Казани даже выступала перед публикой, участвуя в концертах классической музыки, она по своей скромности не причисляла себя к музыкантам. А поэтому искала более рационального применения своей энергии на пользу людям. Это подтверждает одно из ее писем к подруге:

«Мне кажется как-то совестно отдаться музыке, если можешь приносить какую-нибудь более существенную пользу. Разумеется, это по отношению к обыкновенным смертным, а не к выдающимся, к Моцартам или Бетховенам. А мне кажется, что не только гении, но и таланты, как я понимаю их, очень, очень редки» [1].

Никому не давалось легко изучение греческого и латинского языков. Оно потребовало немалых усилий и от Володи. Благодаря умению брать себя в руки и влиянию отца, который всегда стимулировал усиленную работу над трудным учебным материалом, Володя хорошо овладел этими языками. Его одноклассник М. Ф. Кузнецов в своих воспоминаниях свидетельствует, что Ульянов «свободно переводил на русский язык греческих историков Фукидида и Геродота, римских писателей Цицерона и Юлия Цезаря, историка Ливия, поэтов Виргилия и Горация, Овидия, Гомера — «Одиссею» и «Илиаду», Софокла — «Эдип-царь», Платона — «Апологию Сократа» и «Критон». В то время не было в продаже никаких подстрочников и переводов этих авторов. Никто из нас не умел так быстро и правильно писать диктанты по латинскому языку, как Ильич».

Далее пришло горячее увлечение латинским языком, но, как потом рассказывал сам Владимир Ильич Надежде Константиновне, он почувствовал, что латинский язык стал мешать другим его занятиям, и перестал делать большие переводы.

Эта способность контролировать себя и сосредоточить внимание на главном в работе была присуща всем детям Ульяновых.

«Много раз приходилось мне беседовать с матерью Владимира Ильича,— пишет В. Бонч-Бруевич в статье «Юношеские годы Владимира Ильича»,— расспрашивать о жизни и привычках ее гениального сына. И сколько раз ни слушал я ее, всегда во всех этих

[1] *А. Томуль*. Сестра Ильича.— «Музыкальная жизнь», 1966, № 9, стр. 8.

воспоминаниях о детских и юношеских годах, об учении, играх, о всей жизни ее любимого сына красной нитью выделялась одна и та же основная черта характера Владимира Ильича: систематичность, последовательность, железная самодисциплина и решительное требование всего того же от других.

Эти детские и юношеские навыки являлись как бы врожденными, основными чертами характера Владимира Ильича».

В действительности эти черты характера являлись плодом длительного и очень благотворного влияния родителей, которые терпеливо и настойчиво приучали своих детей к самоусовершенствованию и были для них в этом отношении великолепным примером.

Выступая на пленуме Московского Совета 7 февраля 1924 года, Мария Ильинична сказала, что, произнеся знаменитые слова «Нет, мы пойдем не таким путем. Не таким путем надо идти», Володя Ульянов сразу же стал готовить себя к тому пути, который он считал единственно правильным для освобождения народа от ига царя и капитала.

На то же указывает Н. К. Крупская:

«Судьба брата имела, несомненно, глубокое влияние на Владимира Ильича. Большую роль при этом сыграло то, что Владимир Ильич к этому времени уже о многом самостоятельно думал, решал уже для себя вопрос о необходимости революционной борьбы.

Если бы это было иначе, судьба брата, вероятно, причинила бы ему только глубокое горе или, в лучшем случае, вызвала бы в нем решимость и стремление идти по пути брата. При данных условиях судьба брата обострила лишь работу его мысли, выработала в нем необычайную трезвость, умение глядеть правде в глаза, не давать себя ни на минуту увлечь фразой, иллюзией, выработала в нем величайшую честность в подходе ко всем вопросам».

Такую характеристику семнадцатилетний Володя Ульянов заслужил потому, что последовательно, упорно и самостоятельно трудился над выработкой своего мировоззрения, своих жизненных принципов. Он проявил колоссальную волю и, несмотря на пережитые потрясения (смерть отца и брата), с блеском окончил восьмой класс гимназии. А став студентом Казанско-

го университета, Владимир Ильич сразу же практически приобщился к революционному движению.

В связи с введением реакционного нового устава в Казанском университете начались студенческие волнения. Они были также откликом на подавление оружием и нагайками студенческой демонстрации в Москве.

За участие в студенческой сходке Володя был взят у себя дома полицией. Семнадцатилетнего студента заключили в тюрьму. Затем последовало распоряжение начальства о высылке исключенного из университета Владимира Ульянова в деревню Кокушкино Лаишевского уезда Казанской губернии под строгий негласный надзор полиции. Вскоре Володя отправился на место своей ссылки, где также в качестве политической ссыльной жила его старшая сестра Анна. До окраины Казани его сопровождал полицейский чин.

И вот здесь, в Кокушкине, с особой силой сказалась заложенная в детях Ильей Николаевичем и Марией Александровной привычка постоянно обогащать себя знаниями и путем самостоятельной работы над литературой вырабатывать свои убеждения. Никакого уныния, ни часу потерянного времени. Хочется целиком привести рассказ самого Владимира Ильича в записи В. В. Воровского о том, как и чем он занимался в Кокушкине.

«Кажется, никогда потом в моей жизни, даже в тюрьме в Петербурге и в Сибири, я не читал столько, как в год после моей высылки в деревню из Казани. Это было чтение запоем с раннего утра до позднего часа. Я читал университетские курсы, предполагая, что мне скоро разрешат вернуться в университет. Читал разную беллетристику, очень увлекался Некрасовым, причем мы с сестрой состязались, кто скорее и больше выучит его стихов. Но больше всего я читал статьи, в свое время печатавшиеся в журналах «Современник», «Отечественные записки», «Вестник Европы». В них было помещено самое интересное и лучшее, что печаталось по общественным и политическим вопросам в предыдущие десятилетия. Моим любимейшим автором был Чернышевский. Все напечатанное в «Современнике» я прочитал до последней строчки и не один раз. Благодаря Чернышевскому произошло мое первое знакомство с философским материализ-

мом. Он же первый указал мне на роль Гегеля в развитии философской мысли и от него пришло понятие о диалектическом методе, после чего было уже много легче усвоить диалектику Маркса. От доски до доски были прочитаны великолепные очерки Чернышевского об эстетике, искусстве и литературе и выяснилась революционная фигура Белинского. Прочитаны были все статьи Чернышевского о крестьянском вопросе, его примечания к переводу политической экономии Милля, и так как Чернышевский хлестал буржуазную экономическую науку, это оказалось хорошей подготовкой, чтобы позднее перейти к Марксу. С особенным интересом и пользой я читал замечательные по глубине мысли обзоры иностранной жизни, писавшиеся Чернышевским. Я читал Чернышевского «с карандашиком» в руках, делая из прочитанного большие выписки и конспекты. Тетрадки, в которые все это заносилось, у меня потом долго хранились. Энциклопедичность знаний Чернышевского, яркость его революционных взглядов, беспощадный полемический талант — меня покорили. Узнав его адрес, я даже написал ему письмо и весьма огорчился, не получив ответа»[1].

С таким же напряжением Владимир Ильич обогащал себя знаниями, когда ему было разрешено вернуться в Казань, а потом жить на хуторе в Алакаевке

Мария Ильинична вспоминает:

«В саду у Владимира Ильича был свой уголок. Там он устроил себе в тени лип деревянный стол, скамейку и в некотором отдалении трапецию. В этом уголке Владимир Ильич проводил все время до обеда за серьезной работой. Работать Владимир Ильич умел, работать систематически и усидчиво. Книги он не только читал, он изучал, прорабатывал их. Читал он по определенному плану. Помню, уже в более поздние годы он говорил, что просто читать разные книги — мало толку...

Владимир Ильич считал, что надо выбрать какой-нибудь один вопрос и работать по нему систематически. Такой систематической его работа была всегда...»

Привычка к систематичности в занятиях помогла

---

[1] «Вопросы литературы», 1957, № 8, стр. 133.

совсем еще юному Владимиру Ульянову совершенно самостоятельно подготовиться к сдаче государственных экзаменов на юридическом факультете при Петербургском университете. Ему и его матери пришлось иаписать не одно прошеиие в департамент полиции и министру народного просвещения с просьбой дать разрешение на сдачу экзаменов.

И наконец оно было получено.

Подготовка к сдаче экзаменов в университете происходила в дни глубокого горя — Владимир Ильич похороиил свою любимейшую сестру Ольгу, с которой нежно дружил до последних дней ее жизни. В мае 1891 года Владимир Ильич и Мария Александровиа проводили иа Волково кладбище Олю, а в сентябре — ноябре того же года Владимир Ильич сдал последние экзамены и получил диплом. Характерно, как Владимир Ильич объяснял выбор имеино юридического факультета.

«Теперь такое время, иужно изучать науки права и политическую экономию. Может быть, в другое время я избрал бы другие науки».

Далее последовала еще более упорная и систематическая работа над изучением наследия великих учителей пролетариата К. Маркса и Ф. Энгельса.

Анна Ильинична писала:

«Самарский период его жизни продолжался четыре с половиной года. Владимир Ильич перечитал за это время все основные сочинения Маркса и Энгельса на русском и иностраиных языках и реферировал некоторые из них для кружка молодежи, организовавшегося вокруг него в Самаре».

В это же время Владимир Ильич перевел с иемецкого на русский язык «Манифест Коммунистической партии».

Один из участников организованного В. И. Лениным в Самаре марксистского кружка А. Беляков утверждал, что «микроб революционного марксизма был занесен в Самару Владимиром Ильичем Ульяновым».

В кипучую революционную деятельность включался молодой человек, высокообразованный, с твердыми жизненными принципами и взглядами, волевой, закаленный, энергичный, с ясной, твердо иамеченной целью борьбы.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ВОСПИТАНИЯ

Задушевность

Если отношения родителей и детей в семье Ульяновых определить одним словом, то, мне кажется, самым подходящим будет слово «задушевность». Семья — первая школа чувств, и атмосфера задушевности создается там, где царствуют искренность, нежность, взаимное доверие и уважение друг к другу. Но такие отношения не складываются сами собой, они — плод мудрого труда родителей. Создать задушевные отношения в семье — немалое искусство. Но если это удается родителям, то возникает одно из наилучших условий для воспитания детей.

Трудно себе представить задушевность в семейных отношениях, если нет основы основ — взаимной любви родителей. Воспоминания родных и современников Ульяновых позволяют видеть Марию Александровну и Илью Николаевича людьми, связанными глубокими и серьезными чувствами любви, безграничного восхищения друг другом, уважения и веры.

Молодая девушка Машенька Бланк слышала блестящий доклад Ильи Николаевича «О грозе и громоотводах» на торжественном акте в Пензенском дворянском институте. Она была восхищена глубиной и смелостью мысли старшего учителя физики. От нее не ускользнуло, что он прост и скромен. Случилось так, что вечером того же дня они познакомились в доме сестры Машеньки — Анны Александровны Веретенниковой. Здесь Илья Николаевич впервые услышал, как Машенька пела, аккомпанируя себе. У нее был несильный, но приятный голос, мягкие глубокие звуки бетховенского «Фиделио», казалось, наполнили всю комнату. Две свечи освещали немного грустное лицо девушки...

Вскоре И. Н. Ульянов узнал, что Мария Александровна вдумчива и начитанна, хорошо знает и разделяет воззрения прогрессивных русских педагогов К. Д. Ушинского и Н. И. Пирогова, которым он стра-

стно поклонялся. Он любовался ее умом и редкой красотой. Пока молодые люди по-настоящему не узнали друг друга, они не спешили с браком, хотя, когда они венчались, Марии Александровне было двадцать восемь лет, а Илье Николаевичу — тридцать два года. Ульяновы хорошо знали идеалы и характеры друг друга. Идеалы были схожи, а характеры разные. Мария Александровна обладала большой выдержкой, Илья Николаевич мог только восхищаться волевым характером своей жены.

Они любили друг друга, и созданная ими семья стала их подлинным счастьем.

На долю семьи Ульяновых выпало немало бед. За короткий промежуток времени Илья Николаевич потерял мать и брата, к которым был привязан всем сердцем, у Марии Александровны умерли отец и единственный брат-студент. Сотни бессонных ночей провели Ульяновы возле детей в дни их болезней. Как ни боролись родители за жизнь маленькой Оли, спасти ее не удалось. Велико было горе родителей.

Между тем беда подстерегала семью Ульяновых снова. Умер сын Коля. Но несчастья не ожесточили их, не отдалили друг от друга, лишь сильнее стала их нежная привязанность...

Если бы меня спросили: что требует от родителей больше всего ума, сердца, педагогического искусства? Я бы ответила: воспитать и сохранить любовь между членами семьи, ибо она — живой источник энергии, вдохновения и ощущения счастья. Если мать, только что ласкавшая ребенка, через час исступленно кричит на него за нечаянно разбитую вазу или при виде испачканного костюмчика хватается за ремень, любит ли она его по-настоящему? Есть ли в этой любви хоть капля уважения к человеческому достоинству ребенка? И как трудно бывает ребенку сохранить добрые чувства к матери после того, как он увидел ее искаженное злобой лицо, ее руку, крепко сжимающую ремень!

Порой родители, желая предотвратить «ошибки молодости», наносят юному человеку чрезмерный удар по самолюбию, унижают его в присутствии друзей и подруг. И нет уже в сердце прежнего благодарного чувства к дорогим людям, нет уважения к ним. Долго преследует мысль: «Как они могли?!»

Порой ссора между отцом и матерью, нелестные

эпитеты, «выданные» сгоряча друг другу, ранят чувство любви детей к родителям. Так вот, значит, они какие! Рушится самый близкий и дорогой идеал, исчезает уважение, а вслед за ним может уйти и чувство любви. Юный человек, который не любит по-настоящему родителей, с большим трудом обретает способность к глубоким чувствам, когда самому приходит пора строить семью.

В семье Ульяновых внешних проявлений любви к детям было немного. Родители не осыпали детей поцелуями, не расточали ласковых слов, не принято было бурно выражать чувства. Царили сдержанность и всегда ласковое внимание друг к другу.

Старый большевик П. Н. Лепешинский писал, что в доме Ульяновых царил дух взаимного доверия, любви и уважения к свободе друг друга. Не было ни споров из-за будничных интересов текущего дня, ни дрязг, столь обычных в обывательской среде, ни конкуренции из-за личных благ жизни.

Ульяновы с малых лет прививали детям чувство дружбы. Они не допускали ссор, взаимных обид, грубости, равнодушия между братьями и сестрами. Все это резко осуждалось. За помеху друг другу в занятиях даже следовало наказание. Но зато поощрялась взаимопомощь в играх, учебных занятиях и труде.

Дмитрий Ильич вспоминал: «В каретном сарае Володю можно было часто застать за работой — он выделывал перочинным ножом из мягкой осокоревой коры лодочки, которые дарил младшей сестре, Мане»[1].

Старшие братья делали для Мити солдатиков из картона. Саша и Володя любили упражняться на трапеции и обучали тому же младшего брата.

Когда дети под впечатлением аттракционов странствующих цирковых артистов затеяли игру «в канат», Володя с шестом для балансирования ходил по толстой веревке, натянутой в двух метрах высоты, научил тому же Олю и с волнением следил за тем, чтобы сестренка не сорвалась и не полетела вниз.

Старшие вообще всегда охотно занимались с младшими разнообразными играми, не давали им скучать.

Анна Ильинична рассказала о своих задушевных отношениях со старшим братом. Однажды ночью она

[1] *Д. И. Ульянов.* Воспоминания о Владимире Ильиче. Изд. 3-е, доп., стр. 12.

попросила Сашу погулять с ней. Они прошлись по улицам, а потом вернулись в сад. «Мое настроение под влиянием какой-то полуребяческой влюбленности, которую я переживала тогда, было в этот вечер особенно восторженным,— вспоминала Анна Ильинична,— и я неожиданно для себя вдруг крепко обняла Сашу. Обычно никаких нежностей между нами не было, но тут я уже не могла удержаться. Саша ответил на мой порыв крепким братским объятием, таким ласковым, таким чутким. И так, обнявшись, прошли мы несколько шагов по саду. И вот в этот момент все запело во мне особенно громко. Этот день я вспоминала в последующие годы как праздник: такое чистое и поэтическое счастье доставило мне это братское объятие».

Далее Анна Ильинична пишет об Александре:

«Какой огромный запас чуткой любви был в его душе ко всем своим и как даже в те короткие минуты, которые он бывал с нами, все мы чувствовали на себе золотые крохи его привязанности, обаятельность общения с его сильной и в то же время такой нежной натурой!..»

Богатство чувств было характерно для всех детей Ульяновых. Задушевность отношений и глубокая взаимная любовь сохранились у них навсегда.

В Петербурге Александр Ильич был до предела загружен научной и революционной работой. И все же очень часто он писал письма отцу и матери. Зная, что Марию Александровну тревожит его здоровье, спешил ее успокоить:

«Милая мамочка! На этой неделе был я несколько раз в зубной лечебнице...» [1]

В другом письме писал:

«Посылаю папе брошюру «Математические софизмы», которую он желал иметь.

Володе, я думаю, она может быть очень полезна, если он станет самостоятельно разбирать эти софизмы.

Получил ли он те немецкие переводы, которые я ему послал?

Прощай, милая мамочка.

Твой *А. У.*» [2]

[1] Ленин и Симбирск. Документы. Материалы. Воспоминания. Саратов, Приволж. кн. изд. (Ульяновское отд-ние), 1968, стр. 406.

[2] Там же, стр. 404.

Перечитайте письма Ульяновых — они дышат огромной любовью друг к другу. Вот письмо Анны Ильиничны к Александру Ильичу, написанное перед его казнью, которое он, к великому горю сестры, не получил: не передали полицейские.

Аня писала:

«...Лучше тебя, благороднее тебя нет человека на свете. Это не я одна скажу, как сестра: это скажут все, кто знал тебя, солнышко мое ненаглядное...»

Такое письмо, пожалуй, единственное. Вообще же для писем характерна ульяновская сдержанность в выражении чувств, но в них всегда нежное внимание.

Из многочисленных писем хочется напомнить еще одно — от 2 июня 1912 года, присланное Владимиром Ильичем из Парижа в Саратов матери после одновременного ареста сестер. В этом письме он старается поддержать бодрость духа матери:

«Дорогая мамочка! На днях писал тебе по поводу ареста Маняши и Анюты. Хочется поговорить еще. Боюсь, что ты слишком одиноко теперь себя чувствуешь. Я спрашивал в предыдущем письме, есть ли кто из знакомых, навещающих тебя, но ответа на письмо, конечно, не могло еще быть...

Пожалуйста, черкни мне несколько слов, моя дорогая, чтобы знать, здорова ли ты и как себя чувствуешь,— есть ли какие новости; есть ли знакомые у тебя в Саратове. Может быть, при более частой переписке ты будешь чувствовать себя все же несколько менее тоскливо» [1].

Задушевные отношения с матерью, возникшие в детстве, продолжались всю жизнь. Это письмо было написано, когда Марии Александровне было уже семьдесят семь лет. Владимир Ильич в это время был очень далеко от матери, но как быстро он пришел ей на помощь и согрел ее своей лаской!

Благоговейное отношение Владимира Ильича к матери проявлялось с самых юных лет и в большом и в малом. Он делал для нее все, что было возможно, доверял ей самые свои сокровенные мысли и мечты, всеми мерами помогал ей в воспитании младших сестер и

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 55, стр. 327.

брата, в решении множества хозяйственных дел, оказывал постоянную моральную поддержку в трудные минуты жизни. Он хорошо понимал, что Мария Александровна никогда не переставала тосковать о муже и своем первенце Саше, и, как мог, старался уменьшить боль от этих потерь.

А. Беляков рассказывал в своих воспоминаниях: «...меня очень поражала та изумительная нежность, с которой Владимир Ильич при встречах и при расставаниях с матерью целовал ей руку... В этом целовании руки сказывалась вся безмерная скорбь об утрате брата Александра, вся нежность сыновней любви, вся сила пламенного желания смягчить острую боль утраты, выразить бесконечную ласку».

Такое же отношение к матери было у дочерей и у младшего сына. Они открывали ей свои думы, прислушивались к ее мудрым советам.

Молодые Ульяновы старались никогда не оставлять Марию Александровну одну. Когда она заболевала, дети, если они были на свободе, оказывались возле нее и ухаживали за ней чутко и бережно. После того, как Мария Александровна перенесла тяжелую болезнь, Анна Ильинична, несмотря на трудные материальные условия, повезла ее долечиваться в Ялту.

В семье Ульяновых не было эгоистов, никто не считал себя вправе пользоваться добротой родного человека, не отвечая ему тоже добром, заботой и вниманием.

Сама Мария Александровна до последних дней была воплощением человеческой красоты и обаяния. Племянники Марка Тимофеевича Елизарова, посещавшие Ульяновых в Петербурге в дни, когда Марии Александровне исполнилось уже 80 лет, были в восторге от нее. Павел Елизаров так пишет о Марии Александровне:

«Ее высокая культура, простота, какое-то необыкновенно искреннее гостеприимство и доброе сердце невольно покорили нас с первой же встречи. Нас всех трогало ее милое отношение к окружающим, чуткость и любовь к своим детям. Ее глубокий, задумчивый взгляд свидетельствовал о больших переживаниях. Тихий, спокойный голос располагал к откровенности. Ее небольшая, прямо держащаяся фигурка, одетая в темное платье старинного фасона, с короткими буфа-

ми на рукавах и мелкими сборками на юбке, стоит и сейчас перед моими глазами. Голова с белыми, как снег, волосами покрыта черной кружевной наколкой. Большие карие глаза светятся умом и молодостью. Все лицо одухотворено жизнеутверждающей радостью и красотой. Несмотря на свой почтенный возраст, она иногда садилась за пианино...»[1]

Такой была мать Ленина в последние месяцы ее жизни. Она умела создать теплые, искренние отношения даже с самыми дальними родственниками.

По последним ее письмам к детям можно судить, какой огромный запас нежности и ласки она хранила.

12 марта 1916 года Мария Александровна писала своей младшей дочери:

«Береги здоровье свое, ты знаешь, родная моя, как я люблю тебя! Что задерживает тебя в Москве, напиши мне это, голубчик мой!»[2].

Доброе, внимательное отношение друг к другу было законом жизни семьи. Вот как заканчивается письмо Анны Ильиничны к младшему брату Мите, написанное после смерти матери:

«...Обнимаю тебя горячо... Ты так походишь на нее... Будь здоров, хороший мой... Будь покоен за меня... Пиши на адрес Марка.

Твоя *А. Елизарова*»[3].

Мария Ильинична старательно ухаживала за старшей сестрой в дни ее частых болезней, помогала в воспитании приемного сына Горы. И Анна Ильинична постоянно беспокоилась за сестру. В 1914 году Анна Ильинична с матерью и Горой поселились в Петербурге. Ее тревожило, что младшая сестра тоскует в одиночестве, и она приглашает ее к себе:

«Комната для тебя (как и мамина) более теплая. А потом, может быть, обживемся, работу тоже, надеюсь, найдем. Приезжай, повидаешь мамочку, поиграешь на пианино... Соскучилась ты по музыке, верно?»

И Мария Ильинична несколько раз приезжала из Москвы в Петербург «погреться» возле родных людей, помузицировать, поиграть с Горой, к которому тоже была очень привязана.

---

[1] *П. П. Елизаров.* Марк Елизаров и семья Ульяновых. М., Политиздат, 1967, стр. 108.

[2] Там же, стр. 110.

[3] Там же, стр. 111.

Атмосфера высокой человечности, которая всегда царила в семье Ульяновых, помогала очень быстро «природниться» к ним новым ее членам. Так было с мужем Анны Ильиничны Марком Тимофеевичем Елизаровым. Когда читаешь переписку Ульяновых, очень трогает отношение всех к нему. Его племянник П. П. Елизаров писал впоследствии:

«Для Марии Александровны М. Т. Елизаров был так же дорог и близок, как и свои дети. В свою очередь и Марк Тимофеевич проявлял исключительную любовь, привязанность и заботу о Марии Александровне».

По-родному относился к зятю и Владимир Ильич.

Когда в семью пришла беда — Марк Тимофеевич умер от сыпного тифа на руках у Анны Ильиничны,— в Петербург немедленно выехали Владимир Ильич и Мария Ильинична. Они глубоко скорбели о потере члена своей семьи и всячески старались умерить отчаяние овдовевшей сестры.

Большим другом всех Ульяновых стала Надежда Константиновна Крупская. Чистосердечная дружба между Марией Александровной и Надеждой Константиновной отражена в их переписке. Своей постоянной информацией о здоровье и делах Владимира Ильича, остроумием, жизнерадостностью, какая может быть только у очень счастливой женщины, Надежда Константиновна умела создать бодрое настроение у Марии Александровны, утешить в трудную минуту.

Очень теплые взаимоотношения были между семьей Ульяновых и матерью Надежды Константиновны Елизаветой Васильевной Крупской, женщиной очень одаренной, которую влекли культура, искусство, общественная деятельность. Ульяновы высоко ценили ее самоотверженность, когда она добровольно отправилась за четыре с половиной тысячи километров вместе со своей дочерью-революционеркой. Мать Надежды Константиновны осталась в Шушенском до конца ссылки дочери.

В. С. Дридзо в своей книге рассказывает, что Елизавета Васильевна помогала Надежде Константиновне в ее кропотливой работе секретаря Владимира Ильича, шила «панцири» или «корсеты» для перевозки нелегальной литературы. Елизавета Васильевна освободила Надежду Константиновну и Владимира Ильича

от всех домашних хозяйственных дел и тем самым предоставила им возможность все свое время посвятить творческой работе.

Владимир Ильич относился к Елизавете Васильевне с большим уважением и чувством благодарности.

Когда читаешь и думаешь о всех Ульяновых, то создается убежденность, что у каждого из них была прекрасная черта — уметь видеть и ценить друг в друге хорошее и быть благодарным за это хорошее.

Задушевность отношений, которая существовала в семье Ульяновых, очень помогала развитию в детях большой чуткости по отношению к друзьям, к одноклассникам и вообще к людям.

Володе было девять лет, когда он поступил в гимназию. Там же учился Митя Андреев, очень неповоротливый, застенчивый и не по возрасту высокий мальчик. Ребята над ним насмешничали. Володя всегда его защищал. Мальчика постигло большое горе. Умер отец, матери у Мити тоже не было, и он очень остро переживал свое одиночество. Володя утешал его, уговаривал не унывать. Как-то, видя, что у мальчика глаза наполняются слезами, Володя спросил:

— Хочешь, я отточу тебе карандаш?

«От этих простых слов, которыми он хотел меня утешить, слезы полились ручьями,— рассказывает в своих воспоминаниях Д. Андреев.— Мне было стыдно плакать перед товарищами, и я, подняв крышку парты, спрятал в нее голову. Володя не отходил от меня. Он что-то говорил и до тех пор оттачивал мои цветные карандаши, приготовленные для рисования, пока я не справился со слезами... С этого дня я почувствовал к Ульянову большое влечение и нежную дружбу».

А вот что писал В. Друри:

«Играя с Владимиром Ильичем в детские игры — в лапту или рюхи, я всегда испытывал большое удовольствие, замечая его стремление, в случае его выигрыша, своим превосходством не обидеть обыгранного. Вообще везде и всегда у него проглядывало желание не только, чтобы не обидеть кого-либо, но, наоборот, помочь всем, чем он мог».

В гимназии Володя оказывал серьезную помощь товарищам в освоении древних языков.

П. Ушаков рассказывает, что ему очень трудно да-

вались древние языкн, а у отца не было средств нанять сыну репетнтора.

«Я решил обратиться за помощью к первому ученику... Володе Ульянову, и он с радостью согласился помочь мне,— пишет П. Ушаков.— Изо дня в день он занимался со мной по большнм переменам и поставил меня на твердые ноги. Впоследствни я стал так успевать в древних языках, что учнтеля стали рекомендовать меня как репетитора для неуспевающих в греческом и латинском».

Готовясь сам к выпускным экзаменам, Володя Ульянов нзо дня в день совершенно бесплатно занимался по языкам с преподавателем чувашской школы Никифором Михайловичем Охотниковым. У этого велнковозрастного ученика Володи, как утверждает Анна Ильиннчна, способности к языкам н общественным наукам были не блестящие. Русский язык он вообще плохо знал. И все же Володя подготовнл его к экзаменам. Охотников сдал экзамен при гимназнн и поступил в уннверситет.

Александр Ильнч Ульянов тоже очень крепко дружил со своими сверстниками н товарищами по учебе в гимназии и в университете. Большой авторитет и уважение он снискал у петербургских рабочих, которые входнли в руководимый им кружок по изучению экономических и политическнх вопросов. Его отношенне к товарищам по революционной борьбе ярче всего сказалось в дни допросов и суда, когда он всячески старался облегчить их участь.

Много подруг было у Ольги Ульяновой. Девяти лет она подружилась с Лизой Педенко. Оии сидели на одной парте в гимназии. Елизавета Осиповна Педенко написала несколько страниц воспоминаний о своей задушевной подруге, в которых отмечает необыкновенную ласковость девятилетней девочки.

Другая подруга — Варя Половцева в своих воспомнинаниях тоже писала об удивительной чуткости Оли Ульяновой, которая постоянно помогала одноклассницам в занятиях.

Но больше всего дружила, как уже говорилось, Оля с Александрой Щербо. Это была продолжительная, верная дружба. Девочки вместе ходили в театр, обсуждали спектакли, читали, занимались. Подружка Оли очень часто бывала дома у Ульяновых. Оля мно-

го помогала ей в занятиях, главным образом по математике.

Во время разлуки подруги переписывались. Оля писала Александре Щербо из Кокушкина, из Казани, из Петербурга.

Вот начало письма из Казани от 11 марта 1889 года:

«...Весной два года, как мы кончили курс,— писала Ольга.— А кажется, что с тех пор прошло гораздо больше времени — все так изменилось и изменяется. В жизни узнаешь гораздо больше вещей, чем можно было узнать в гимназии... Но, правда, я не могу сказать, чтобы удалось узнать что-то хорошее, напротив, понемногу открываются все более темные стороны жизни. И, мне кажется, довольство окружающим могло быть только в детском неведении...»

Письма показывают, что дружба была серьезной, она оказала решающее влияние на судьбу А. Ф. Щербо. Та, видимо, долго не могла найти себя и выбрать профессию. Ольга искренне старалась помочь подруге:

«...Из нашего выпуска ни одна (по крайней мере из нашего класса) не просила и не получила места учительницы. Помнишь, я говорила, что, если бы это было возможно для меня, я была бы рада приносить хоть небольшую пользу.

Как ты глядишь на это занятие вообще и в частности, то есть имеешь ли сама наклонность к нему?»

В другом письме Оля пишет:

«Вот неожиданное известие ты сообщила мне о Благодаровой... Да, она молодец, учится и трудится».

А вот еще письмо:

«...Ты просила меня посоветовать, подавать ли тебе прошение на место учительницы... Вот тебе мое мнение: учительство, по-моему, одно из самых высоких занятий, и если можно советовать другим, то советую тебе непременно заняться им. Я думаю, что тебе нечего сомневаться в своих силах — была бы только охота».

Саша приняла совет подруги и всю жизнь проработала учительницей в селе Грязный Ключ Симбирской губернии, а затем Ульяновской области.

Прекрасным условием воспитания детей были семейные традиции. Некоторые из них, вероятно, перешли из семей, в которых росли отец и мать, другие возникли уже здесь, в этой семье. Педагогический смысл семейных традиций заключается в том, что они сближают членов семьи, укрепляют их родственные чувства, порождают общность интересов. Добрые семейные традиции способствуют взаимному уважению в семье, помогают становлению семьи как дружного, деятельного коллектива.

Тот из молодых людей, кто вырос в семье, где закрепилось много хорошего, традиционного, значительно легче сможет наладить и свою личную жизнь, свою семью, внесет в нее добрые привычки, нравы, обычаи.

Эти мысли о значении семейных традиций для воспитания детей, для счастья семьи невольно возникают, когда знакомишься с жизнью Ульяновых.

Казалось бы, совсем маленькое событие: проводы Ильи Николаевича. Но все дети непременно помогали в сборах, они знали, что отец может пробыть в командировке и месяц, и два. Значит, надо помочь ему собрать все, что понадобится в дороге.

Мария Александровна, видя, что детям грустно, старается шутить, хотя у самой сердце сжимается от предстоящей разлуки.

Вот у дома остановились сани или тарантас, что-то крикнул кучер, заржали лошади. Мать, девочки и сыновья помогают одеться отцу, накидывают на себя что попало и выносят вещи, причем каждый хочет захватить побольше, самым младшим достается отцовский плед, постоянный его спутник. Мария Александровна всех останавливает: надо же перед дальней дорогой присесть. (Хорошо, что об этом вовремя напомнила няня Варвара Григорьевна, которая строже всех соблюдает установившиеся испокон веков, неизвестно кем придуманные правила.) Пора выходить на улицу. Дети притихли. Митя не сдержался и всхлипнул, но тут же рассмеялся, потому что отец сделал ему какой-то смешной знак рукой. Илья Николаевич всех расцеловал на прощанье. Зазвенел колокольчик. Все долго стоят и смотрят вслед удаляющейся повозке.

А вот еще одна традиция — рассказы отца о своих поездках.

Вспоминает Мария Ильинична: «Огромным фактором в воспитании было то, что отец являлся не чиновником, как подавляющее большинство служащих того времени, а идейным работником, не жалевшим трудов и сил на борьбу за свои идеалы. Дети, не видя его часто по неделям во время его разъездов, рано научились понимать, что дело — это нечто высшее, чему все приносится в жертву. Его оживленные рассказы об успехах строительства в его деле, о новых школах, возникавших по деревням, о борьбе, которой это стоило, и с верхами (власть имущими, помещиками), и с низами (темнотой и предрассудками массы), живо впитывались детьми».

Скажите современным родителям, что командировки помогают воспитывать детей,— некоторые из них рассмеются. А ведь если вдуматься, рассказы о виденном и пережитом в отъездах можно обратить на пользу. Бывая в новых местах, встречаясь с новыми, интересными людьми, человек обогащается впечатлениями, узнает много нового, что может заинтересовать детей. А если, допустим, отец в дни командировки еще побывает в краеведческом музее, посмотрит исторические памятники, поклонится погибшим героям города, поселка и расскажет о них детям, то как же это будет много значить для них и как поднимется в глазах детей авторитет отца!

Ведь воспитание — это, главным образом, обогащение ума и чувств детей.

Илья Николаевич не только увлекательно рассказывал о своих поездках, но и приучил детей после его возвращения домой рассказывать ему о гимназических занятиях, о том, как они работали, играли, что видели, что прочли, о чем думали, чем помогали матери и няне, что сделали хорошего для младших братьев и сестер. И дети, зная, что отец поинтересуется их жизнью, старались быть на высоте, готовились к этим своеобразным отчетам, с волнением ждали, улыбнется ли отец, порадовавшись их успехам, или, огорчившись, укоризненно покачает головой. Правда, как бы ни был недоволен отец, он не станет сердиться и выговаривать им за проказы, потому что хочет от них полной искренности, иначе испугаются его гнева и в другой раз кое-

что скроют. И чем больше взрослели дети, тем глубже входнла в жизнь семьн эта траднцня взаимных рассказов о труде, ученин н жнзни. И возинкали общне думы, суждення, радости н тревогн, порой горячие споры, а то н дружиый веселый смех. Постепенно эта траднцня перешла в прнвычку обменнваться мыслямн и впечатленнями каждый раз прн встрече за столом. Аина Ильнинична вспомниала, что мать и отец всегда очень терпеливо выслушнвалн все детскне суждеиия н прнннмали блнзкое участие во всех их делах.

Прекрасной траднцней в семье Ульяиовых былн детскне подаркн роднтелям к диям нменни или другнм праздннкам. Прнчем подаркн обычио готовилнсь тайно, чтобы еще больше порадовать отца нли мать своей иеожнданиостью. Родителн очеиь искусио делалн вид, что ие замечают этих приготовленнй.

В Доме-музее В. И. Леннна в Ульяиовске можно видеть игольинцу, атласиый коиверт для писем, листочкн с перепнсанными стнхамн, обрамлениые красивой вниьеткой,— все это подарки родителям. Однажды Аня отправилась с детьми к фотографу и к празднику роднтелям был преподнесен сннмок, который порадовал нх не меиее красивых самоделок. Подготовка подарков прнучала детей к выдумке, потому что надо было ие только подготовнть подарок, но сделать его с душой. Роднтелн, коиечно, заметят, еслн вещь выполиена иаспех, неизобретательио, без мысли, без желания сделать краснво.

Не прнходится говорнть о том, что семейный обычай делать друг другу подаркн способствовал большой дружбе между роднтелями н детьми. Главный смысл здесь заключается, безусловио, не в самнх подарках, а во виимании к родным людям, в стремлении как-то отблагодарнть их за заботу.

А какой краснвый обычай — иовогодияя елка! В семье Ульяновых обычно устранвалн две елкн. Первая зажнгалась только для своей семьн, без приглашення гостей, и на ней ие роднтели делалн подарки детям, а, наоборот, детн роднтелям.

У нас ниогда отец дает сыну пять рублей, чтобы тот купнл матерн к праздннку духн. Но как это неправильно! Пусть школьник сам прндумает, чем лучше порадовать мать, прнсмотрнтся, что ей особенио дорого, подумает, что ей иравится, и по возможно-

сти изготовит подарок своими руками. Как-то у меня был разговор по душам с группой семиклассников. Среди них оказалась девочка, которая за всю жизнь ни разу ничего не подарила своему отцу. Одноклассники поинтересовались: «А отец тебе делает подарки?» Девочка назвала множество вещей, среди них были: этажерка для книг, удобный стол для занятий, деревянная настольная лампа. Все это отец сам сделал для дочери. Подруги обвинили девочку в неблагодарности. Она ответила, что немедленно примется вязать отцу лыжную шапку из голубой шерсти: он любит голубой цвет. Оказывается, достаточно было небольшого толчка, чтобы девочка захотела сделать что-то хорошее для отца. Раньше просто не догадывалась, потому что в семье это не было заведено.

В памяти всех братьев и сестер Ульяновых остался очень добрый обычай — летние чаепития в беседке.

Казалось бы, вечернее чаепитие в саду — мелочь в жизни семьи. Но Мария Александровна сумела превратить его в прекрасную семейную традицию, которая всем давала ощущение счастья, сплоченности, дружбы, приучала детей к раз заведенному порядку.

Традиций в семье Ульяновых было много. Это и прогулки всей семьей за город, во время которых читались стихи и пелись песни на стихи Некрасова, Рылеева, Плещеева. Это и совместные чтения, общий труд, игры. Не лишне повторить здесь, что твердо установившиеся семейные обычаи и неотступное следование принятому порядку были одним из условий успешного воспитания детей.

Жизнерадостная атмосфера

Когда-то в горах Южного Кавказа я увидела пышные сосны, которые поднимались буквально из камней. Это поразило меня. Невольно вспомнились низенькие, изогнутые деревца Кольского полуострова. Почему же так? Ведь у этих южанок такая же каменистая почва?

— Солнечный климат,— пояснил проводник-горец.

Детям так же нужно солнце. В семье Ульяновых его было много, и это явилось одним из благоприятных условий их успешного воспитания. Конечно, это не буквально: солнце — образ той радостной, теплой,

жизнерадостной атмосферы, которую Мария Александровна и Илья Николаевич сумели создать в семье. У Ильи Николаевича случались неприятности по службе. Немало ему пришлось пережить горьких обид от начальства, которое не устраивала его прогрессивная деятельность. Без конца он воевал с подрядчиками, тормозившими строительство новых школ, принимал множество посетителей: учителей, родителей, которые обращались к нему с жалобами и просьбами. Не легко было и Марии Александровне справляться с многочисленными хозяйственными заботами. Очень много отнимали у нее времени и душевных сил занятия с шестерыми детьми: чтение, иностранные языки, музыка, ручной труд, игры. Но никто не слышал от Ульяновых жалоб, досады, они не бывали раздражительными, взвинченными. В семье никогда не кричали на детей, не «награждали» их обидными эпитетами, даже если они очень шалили. Ровный, спокойный тон, внимание и ласка — вот что характеризовало отца и мать Ульяновых. Горячая любовь к детям, соединенная с неизменной выдержкой, жизнерадостным настроением, с прекрасно развитым чувством юмора, веселой шуткой, создавала в семье поистине солнечную атмосферу. Вера Васильевна Кашкадамова вспоминает, как после беседы с Ильей Николаевичем по педагогическим вопросам Мария Александровна приглашала их пить чай:

«Деловые разговоры кончаются, они не выходят из порога директорского кабинета, и мы, весело разговаривая, идем в столовую; там уже собралась вся семья. Илья Николаевич шутит, говорит о школе часто в ироническом тоне, рассказывает школьные анекдоты, а у него их было много. Все смеются, всем весело.

Тепло и уютно чувствуешь себя в этой дружной семье. Дети болтают, рассказывают события из своей жизни, а бойче всех говорит Володя и вторая сестра его, Оля. Так и звенят их веселые голоса и заразительный смех».

Один из товарищей Володи по гимназии поделился своим впечатлением от первого посещения семьи Ульяновых. Он чувствовал себя несколько смущенно, когда впервые пришел к ним домой и был приглашен к столу. Но его очень приободрила непринуж-

денность и простота, с которой все члены семьи вели себя за обедом. Оля задорно посмеивалась над Володей по поводу того, что хотя он и подражает во всем Саше, который препарирует лягушек, а между тем лягушек боится.

Еще больше смеялась она над братом и поддразнивала его после того, как на вопрос матери, почему он не берет пирога, Володя ответил вопросом: «А Саша возьмет?» За столом начался оживленный разговор о разных проделках братьев, о гимназических порядках, о шалостях учеников, каждый рассказывал про свой класс, вспоминая что-нибудь занимательное. Все острили, смеялись, спорили.

Импонировал общему настроению семьи и веселый характер няни Варвары Григорьевны. Дмитрий Ильич писал, что няню, Варвару Григорьевну, все очень любили. Войдет она с подносом в столовую, окинет всех взглядом из-под мохнатых, сросшихся над переносицей бровей, взглянет, будто строго, а потом улыбнется так, что ямочки на щеках появятся, и скажет свою любимую присказку: «Ешьте ладушки-оладушки».

Чудесно проходили в семье Ульяновых детские праздники. Об одном из них Анна Ильинична писала:

«...Какое-то особенное чувство тесной и дружной семейной спайки, уюта, безоблачного детского счастья оставил этот праздник. Считают, что такие переживания детства дают неисчислимо много для энергии, жизнерадостности и тесной семейной спайки на всю последующую жизнь».

Интересные, веселые люди всегда были желанными гостями в семье Ульяновых. И это тоже доставляло детям много радости. Любили они, когда в дом приходила молодая, красивая учительница — Вера Васильевна Кашкадамова. После одного из учительских съездов Илья Николаевич пригласил к себе в дом на чашку чая учителя Василия Андреевича Калашникова с его маленьким хором любителей пения. Хозяева встретили гостей радушно и приветливо. Все с удовольствием пили чай, ели арбуз и пели песни под аккомпанемент Марии Александровны.

В семье Ульяновых часто звучал смех. Родные вспоминают, как заразительно смеялись Илья Николаевич и Володя. Н. И. Веретенников пишет об этом: «Хотя открытый, задушевный смех и у Володи и у

Ильи Николаевнча был однпаково заразнтелеи, но в смехе их было н резкое различие: Илью Нниколаевича смех как бы одолевал, ои не в снлах был остановнться, смеялся безудержно, ннногда до слез, отмахнваясь руками, даже еслн они былн чем-нибудь заняты...»

Володя как бы владел смехом: «...он мог оборвать его н перейтн, смотря по обстоятельствам, к серьезной нли даже негодующей речн...»

«Когда Илья Николаевнч оживлялся, шутил н острнл,— вспомннала Марня Ильиннчна,— его глаза так же загорались и блестелн, как глаза Владнмира Ильича, когда он бывал в ударе и оживленно беседовал с товарнщамн».

И даже очень серьезный н замкнутый по своему характеру Александр в семейном журнале «Субботннк» завел отдел юмора, в котором помещал веселые шаржи н юморескн. Володя был нзображен с кнслым выражением лица. В руках у него пустой пакетик нз-под пнрожков. Оказывается, он как-то предложил своему товарнщу съесть пирожок, а тот забрал все содержнмое пакета и оставнл Володю без завтрака. Оля была изображена плачущей, н под рнсунком подпнсь: «Оля, посылаемая спать». Веселое содержанне было у ребусов, загадок и пословнц.

В семье любилн хорошую шутку, поощряли остроумне. Володя всегда много занимался н не любнл, чтобы ему мешали. Еслн кто-то нз ребят входнл к нему не вовремя, ои шутлнво говорил: «Пожалуйста, осчастливьте меня свонм отсутствнем».

В Кокушкнно члены семьн Ульяновых выезжали на лошадях. Володя садился обычно на козлы н шутил с ямщиком: «А что, дядя Ефнм, был бы кнут, а лошади пойдут?»

Он вообще любнл шутки, и крестьяне называлн его «забавником».

Все, кто помнил Владимнра Ильнча, в один голос утверждают, что он был остроумным, веселым собеседннком, очень любнл шутки и всегда смеялся от душн.

Прнемный сын Аины Ильнинчны Георгнй Яковлевнч Лозгачев-Елнзаров в своей кннге «Незабываемое» рисует такую сцену:

«Несмотря на обещанне, Владнмнр Ильнч сплошь и рядом подолгу задерживался в кабинете и не шел

домой. Тогда, случалось, что я начинал снова звонить к нему, выдумывал что-нибудь насчет остывшего по его вине обеда либо просто бежал к нему в кабинет и, убедившись предварительно в том, что Владимир Ильич находится один и попросту никак не оторвется от работы, принимался бессовестным образом мешать ему работать. Делая вид, что уступает мне, Владимир Ильич, притворно и шутливо вздыхая, оставлял работу, и я, торжествуя, с видом победителя, сопровождал его к столу...

Обед проходил оживленно и весело, за столом много шутили, особенно Владимир Ильич».

Георгий Яковлевич вспоминает, как в трудный 1917 год, когда Владимир Ильич был чрезвычайно перегружен работой, он, возвращаясь домой, непременно старался уделить какое-то время, чтобы поиграть с ним. Надежду Константиновну эти шумные игры приводили в ужас, а Мария Ильинична, наоборот, до слез хохотала, глядя на проделки брата.

О своей первой встрече с Марией Ильиничной, которая состоялась в 1911 году, Георгий Яковлевич рассказывает:

«Совсем еще молодая, в расцвете сил, с задорными ямочками на щеках, она привлекала к себе своей живостью, жизнерадостностью. В ее присутствии всегда становилось сразу шумно и весело...»

С восторгом описывает он устроенную для него елку, на которой Мария Ильинична, «веселая затейница и жизнерадостная хохотушка, организовала даже настоящий маскарад». Одна из масок, кружившаяся в веселом вальсе, «в черном платье и черной вуали, вся усыпанная множеством блестящих золотых бумажных звезд и звездочек, с серебряным полумесяцем в волосах, без сомнения, изображала «Ночь». Когда маски были сняты, все узнали в царице ночи раскрасневшуюся Марию Ильиничну...»

Чувство юмора было присуще всему семейству Ульяновых.

Когда Марк Тимофеевич под Новый год принес елку невероятного размера, Анна Ильинична остроумно заметила ему:

— Ну, Марк, ты просто неисправим, все по своей фигуре стараешься подбирать! Если арбуз, так обязательно в обхват размером, елку — так чуть не двух-

этажную. Может, наискосок ее поставим для оригинальности и нырять под нее будем?

На елке Анна Ильинична кружилась в веселом вальсе вокруг большого Деда Мороза, искусно сделанного из ваты ею самой, стреляла хлопушками, зажигала бенгальские огни, горевшие ослепительно-белым светом, водила хоровод и пела вместе со всеми «В лесу родилась елочка».

Очень жизнерадостным и веселым человеком был Дмитрий Ильич Ульянов, который, как рассказывает Г. Я. Лозгачев-Елизаров, порой мог шалить совсем как юноша.

За столом это был большой шутник и неистощимый рассказчик всяких смешных небылиц и анекдотов, над которыми все дружно хохотали. Тут были и кавказские шутки, и медицинские анекдоты. Дмитрий Ильич любил играть на двухрядной гармонии.

Там, где были Ульяновы, всегда ключом била полнокровная жизнь: горячий труд, борьба, щедрость во всех ее видах, искристое веселье, озорные шутки, музыка, дружба,— и все это, вместе взятое, называлось: радость жизни, великая радость жить и бороться.

Главный «секрет» успеха

Больше всего способствовали блестящему педагогическому успеху Ульяновых их высокая ответственность за формирование личности каждого ребенка, собственный высоконравственный пример, а также единый взгляд на воспитание.

Именно об этом писал один из лучших педагогов своего времени В. А. Калашников: «Илья Николаевич и его супруга, Мария Александровна, отдавали своим детям все свое внимание и воспитывали их по последнему слову педагогических наук, тогда вдруг вошедших в интеллигентные слои общества после реформ шестидесятых годов, освобождения крестьян, устройства новых судов, учреждения земств и т. п. Состоя учителем в симбирской чувашской школе, находившейся в ведении Ильи Николаевича, часто бывая в их доме по делам службы, я еще раньше имел случаи наблюдать, как тщательно они следят за развитием своих детей, давая им разумные игры, разумные от-

веты на детские вопросы и всегда окружая их теплотой родительской ласки».

А вот что рассказывают о главном «секрете» успеха семейного воспитания Ульяновых сами дети. Анна Ильинична вспоминает о большом внимании родителей к детям. «Конечно, сложное и серьезное дело позволяет человеку, строго относящемуся к своим обязанностям, да еще и любящему это дело, уделять семье немного сравнительно времени, но из этого не следует еще, чтобы он (Илья Николаевич.— *И. П.*) совсем забывал о ней,— писала старшая дочь Ульяновых.— Может быть, тем больше придется удивляться его энергии и неутомимости, но факт тот, что воспитание детей проходило под его главным и неусыпным надзором».

Это был ее ответ В. Назарьеву, который в своих воспоминаниях, опубликованных в «Симбирских губернских ведомостях», пытался утверждать, что Илья Николаевич не занимался воспитанием детей вследствие своей большой занятости. Это вызвало возражения со стороны детей Ульяновых.

Очень светло написала о своих родителях Мария Ильинична.

«Илья Николаевич был образцовым семьянином, и между ним и матерью, к которой он был глубоко привязан, дети никогда не видали никаких ссор и семейных сцен. Они жили всегда очень дружно. Не было между ними и споров или несогласий в вопросах воспитания... и дети видели всегда перед собой «единый фронт».

Но в то же время своим веселым, общительным нравом, горячей любовью к детям, стремлением порадовать и повеселить детей, не стеснять без нужды их свободы отец и мать привили им большую жизнерадостность, крепкую любовь к жизни».

Так же восторженно рассказывал о семейном воспитании младший их сын Дмитрий Ильич: «Илья Николаевич привил нам чувство любви к трудовому народу, которому он отдавал все свои силы и знания. Он был для нас авторитетом, примером высокой культуры, образованности, трудолюбия, честности, благородства чувств. Огромное влияние на нас оказала мать, Мария Александровна, сочетавшая в себе лучшие качества матери-педагога: безграничную любовь к детям,

большой ум, организованность, жизнерадостность, чуткость и такт, твердость воли и силу характера.

В нашей семье был единый фронт воспитания. Дружба и взаимопомощь сказывались во всем: в учении, в физическом труде, в играх и забавах, в «художественной самодеятельности», в физкультурных занятиях» [1].

Что еще можно сказать о главном «секрете» успеха семейного воспитания Ильи Николаевича и Марии Александровны? Что можно добавить к тому, о чем рассказали их дети? Они не переставали восхищаться отцом и матерью и навсегда сохранили чувство безграничной благодарности к ним.

Счастливы те родители, которые заслужили такую любовь и уважение детей.

---

[1] *А. Кондаков.* Беседа с Дмитрием Ильичем.— «Семья и школа», 1960, № 4, стр. 16.

Содержание

Ирина Алексеевна Печерникова
ВЕЛИЧИЕ ДУШИ

Издание четвертое,
исправленное и дополненное

Заведующая редакцией А. Т. ШАПОВАЛОВА
Редактор Т. Е. ЯКОВЛЕВА
Младший редактор Н. М. ЖИЛИНА
Художественный редактор В. А. ТОГОБИЦКИЙ
Технический редактор Н. П. МЕЖЕРИЦКАЯ

ИБ № 2216
Сдано в набор 28.07.78. Подписано в печать 19.10.78. А00184. Формат 84 × 108$^{1}/_{32}$. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Условн. печ. л. 6,72. Учетно-изд. л. 6,55. Тираж 200 тыс. экз. Заказ № 3086. Цена 25 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

25 коп.

В серии «Библиотечка семейного чтения» вышли из печати и готовятся к изданию следующие книги:

Р. Коваленко.
Добрая сила доверия

Г. Дмитрин.
Когда сын выбирает профессию

Л. Пинчук.
Моим детям — вместо завещания

И. Кошелева.
Возьмем его в союзники

А. Маркуша.
Товарищи дети

В. Приходько.
О доблести, о подвигах, о славе

